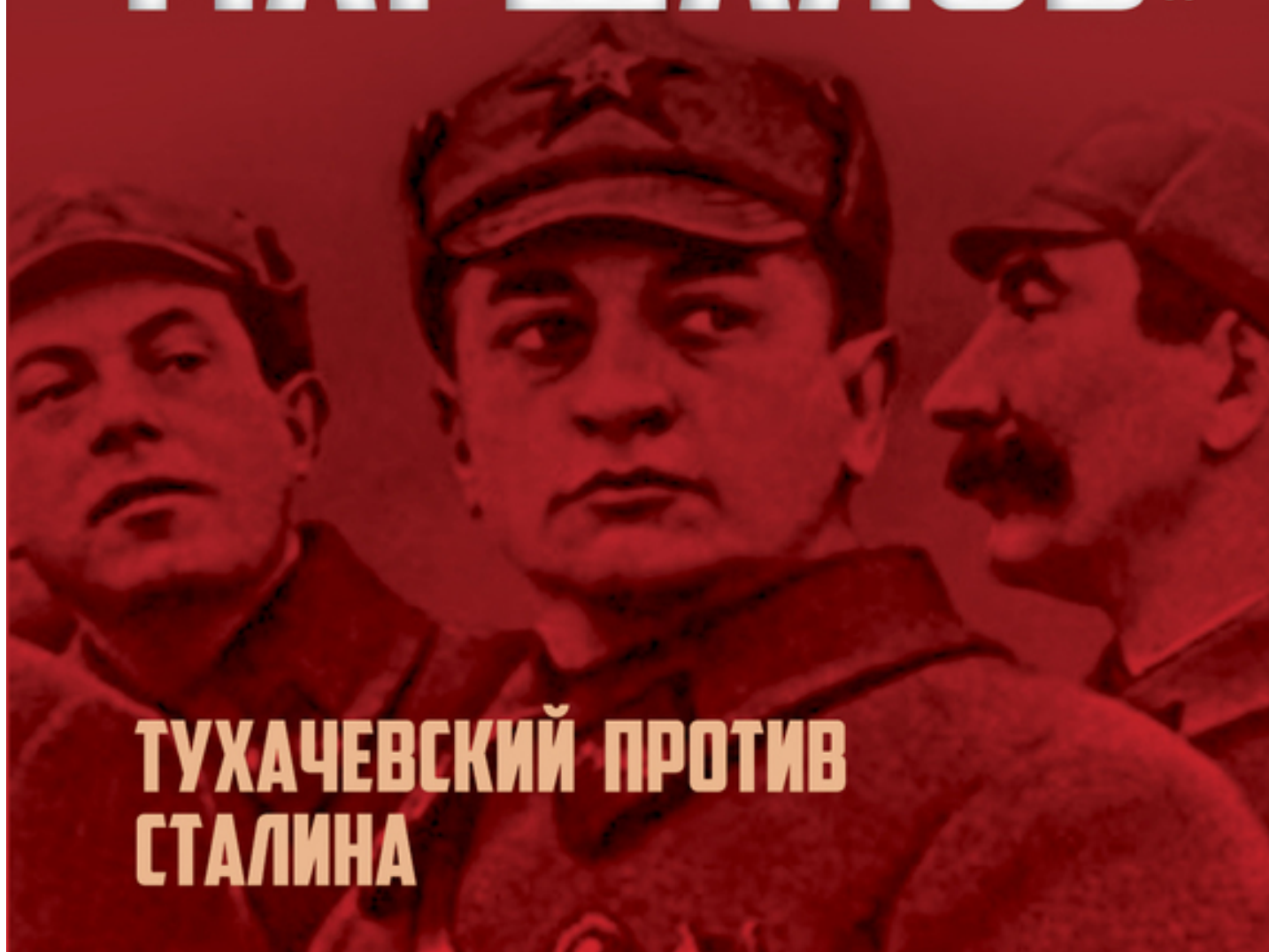

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ МИНАКОВ

ЗАГОВОР «КРАСНЫХ МАРШАЛОВ»»

ТУХАЧЕВСКИЙ ПРОТИВ
СТАЛИНА

Тайны военной истории

Сергей Минаков

**Заговор «красных маршалов».
Тухачевский против Сталина**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Минаков С. Т.

Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина /
С. Т. Минаков — «Алисторус», 2016 — (Тайны военной истории)

ISBN 978-5-906880-18-5

Книга доктора исторических наук С.Т. Минакова посвящена трагическому конфликту между военной элитой и советским государственно-политическим руководством во главе со Сталиным. Именно этот конфликт стал причиной репрессий в высшем комсоставе Красной армии в 1937–1938 гг. Заговор «красных маршалов», утверждает автор, был, но какую роль сыграл в нем Тухачевский? Анализируя сложные и неоднозначные взаимоотношения «красного наполеона» и советского вождя в контексте международного положения и обострения после «военной тревоги» 1936 г. дискуссий по оборонным проблемам СССР, автор называет подлинных заговорщиков и расставляет все точки над «i».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906880-18-5

© Минаков С. Т., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

«Нас возвышающий обман»	5
Осколки памяти	6
Часть I	14
«Краснощекие поручики», «бонапарты» и «Тухачевские»	17
Вторжение в мировую историю	19
Граф Тухачевский	21
«Наш, семеновец!...»	30
1914 год. Бой под Кжешувом	32
Ночной бой под Ломжей, плен и возвращение в полк	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Минаков

Заговор «красных маршалов».

Тухачевский против Сталина

«Нас возвышающий обман»

«Жизнь человека в обществе определяется не только осязаемыми реалиями, – обращает наше внимание на фактор «воображаемого» Ж. Ле Гофф, – но и образами и представлениями. Образы, порожденные воображением, не только воплощены в иконографической и художественной продукции, они населяют универсум ментальных образов... Воображение – феномен коллективный, общественный и исторический. История без воображаемого – это история-инвалид, безжизненная история»¹.

На процитированные выше мысли выдающегося французского историка уместно обратить внимание и иметь их в виду, учитывая то обстоятельство, что далее речь пойдет об одном из судьбоносных для нашей страны «исторических феноменов» – о «феномене Тухачевского» или, обозначая его иначе – синдроме «заговора красных маршалов». Обращение к мыслям выдающегося историка-медиевиста, исследовавшего «средневековый мир воображаемого» не должно восприниматься как некий анахронизм, если мы вспомним небольшое, но глубоко-мысленное произведение выдающегося русского мыслителя XX в. Н.А Бердяева, посвященное проникновению в сущность исторических и ментальных процессов в Европе и в России, порожденных катастрофой Первой мировой войны, – «Новое средневековье».

Осколки памяти

*И время застыло в часах на стене,
И лампы плафон, отраженный в окне,
И кант голубой темно-синей пилотки,
И в бланке служебном лишь росчерк короткий.
И капли дождя на оконном стекле,
И строчки письма на рабочем столе,
И орденский крест на армейском планшете —
Портрет Тухачевского в старой газете².*

Эти строчки навеяны рассказами моих старших родственников о 30-х гг. Они вспоминали, что у моей бабушки на стене была вырезка из газеты с портретом Тухачевского во весь рост, в длиннополой кавалерийской шинели. Ей нравились Ворошилов и Тухачевский. Особенно – Тухачевский. В этом не было никаких политических предпочтений и симпатий: просто привлек образ бравого военного с гвардейской выправкой и «старорежимным» офицерским лицом. В ее доме всегда было много военных. Военными были ее зятья, в доме часто бывали молодые военные, их товарищи, знакомые ее сына. Я помню ее уже в весьма преклонных годах. На вопрос о возрасте, она, склонная к ироничным оценкам людей и жизни, обычно улыбалась и отвечала: «Я вышла замуж, когда царь короновался». Этот ответ меня, школьника, интриговал, и позже, став старше, я выяснил, что оба события (и ее замужество, и царская коронация) произошли в 1896 г. Вообще от нее веяло чем-то таинственно-давним, «старорежимным» (как она выражалась). Среди мелких вещей в ее обиходе были какие-то дореволюционные корбоочки из-под чая, конфет, иных «колониальных товаров». Забравшись однажды в выдвижной ящик ее письменного стола, я обнаружил несколько монет времен Александра II, Александра III, Николая II, медные пуговицы с двуглавыми орлами от форменных мундиров, орден св. Станислава 4-й степени, эмалевые бордовые «кубики» и «шпалы» – офицерские знаки различия, крепившиеся на петлицах в довоенные и первые военные годы, авиационную синюю пилотку с голубым кантом. Все это вызывало ощущение чего-то романтично-таинственного. От этих мелочей исходило дыхание какого-то иного, неведомого мне легендарного времени, связующим звеном с которым она была.

Фамилию «Тухачевский» впервые я услышал от моего отца. Поразила она мое, 16-летнее воображение, навсегда засев осколком в памяти, именно тогда, осенью 1962 года. Отец мой, отставной подполковник авиации, пришел домой в осеннем пальто и принес купленную им (и ныне хранящуюся в моей библиотеке) книжку с названием «Этапы большого пути». Это был сборник воспоминаний полководцев и героев Гражданской войны – С.С. Каменева, В.К. Блюхера, А.И. Корка, И.П. Уборевича, В.М. Примакова, В.К. Путны, П.Е. Дыбенко и др., в том числе М.Н. Тухачевского. Перед воспоминаниями каждого героя и полководца был помещен фотопортрет с краткой биографией и почти трафаретным окончанием: «репрессирован» в 1937-м или 1938-м, «посмертно реабилитирован».

Каждая фамилия и каждая биография были для меня откровением, рождением совершенно нового мира, но самое большое впечатление произвела на меня фотография Тухачевского – красивого молодого военного, с маршальскими звездами в петлицах, с открытым, волевым, дерзким взглядом, будто вызывающим на бой, на поединок. Именно к нему мой отец стремился привлечь мое внимание. «Это – Тухачевский, – даже не сказал, а воскликнул он, и в его последующих пояснениях звучал, как мне показалось, какой-то приглушенный восторг – отголоски давнего, уже полузабытого, отчасти ностальгического восхищения. – Мне прихо-

дилось с ним встречаться. Интеллигент, выхолненный, белый офицер, поручик лейб-гвардии Семеновского полка». Именно так было сказано: «белый офицер». Замечу, что в досужих разговорах, воспоминаниях пожилых близких родственников, хорошо помнивших «старорежимные времена», различия в понятиях «белый» или «царский» офицер были совершенно размытыми: если офицер «старой армии», то значит – «белый офицер». И, как правило, замечу мимоходом, говоря о ком-то, что тот был «бывшим офицером», произносили это с каким-то тихим восхищением. Это был признак человека высокого достоинства, интеллигентного человека. И то, что Тухачевский был бывшим поручиком, гвардейским офицером, интриговало. Было в этом что-то таинственное, необычное, манящее и восхищавшее. Примерно в то же время я посмотрел какой-то цветной художественный фильм, посвященный революционным событиям 1905 года, в котором было показано, как Семеновский полк подавлял восстание на Пресне. Поэтому Тухачевский, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, ассоциировался у меня в сознании как раз с тем, контрреволюционным Семеновским полком. Но в то же время он вдруг оказывался советским маршалом, героем Гражданской войны и революции.

С малых лет я, как и все мои сверстники (а я к тому же был единственным ребенком в семье кадрового офицера ВВС, командира авиаполка), воспитывался в системе нравственных ценностей, ключевыми из которых были революция, поглощавшая явление Гражданской войны, Советская Родина, Великая Отечественная война, популярнейшими воплощениями которых были Сталин, Чапаев, Котовский и др. У нас в большой комнате на стене висели два цветных портрета – Ленина и Сталина. Я помню, как их покупали в Москве (я был тогда еще дошкольником). Мне нравился Сталин. Он мне казался красивым. Наверное, потому что он, как и мой отец, был военным, в погонах генералиссимуса, с Золотой Звездой на груди, с усами, как у Чапаева или у Лермонтова. Лермонтов тоже был военным, офицером, и он тоже мне нравился. Поэтому парадоксальное сочетание в образе Тухачевского «белого офицера Семеновского полка», подавлявшего революцию, и советского маршала, олицетворения Красной армии, было необычным, интригующим, можно сказать, как-то таинственно-завораживающим и приятно-шокирующим сознание и воображение.

Внешний облик Тухачевского ассоциировался у меня с еще одним киноперсонажем. В начале 50-х гг., когда я посмотрел фильм «Любовь Яровая», мне очень понравился один из его героев – матрос по имени Швандя (насколько мне помнится). Но был в фильме и отрицательный персонаж – белогвардейский поручик Яровой, внедренный белыми в командный состав Красной армии. Этот поручик (или подпоручик), в отличие от Чапаева, Буденного, Сталина и других «усатых» героев революции и Гражданской войны, был гладко выбритым, безусым, большеглазым, с холеным, «белогвардейским» лицом. Подобное же лицо смотрело на меня и с фотографии Тухачевского. Пожалуй, такое противоречивое сочетание различных ассоциаций и обусловило мое особое внимание к Тухачевскому.

Возвращаясь к сюжету с книгой, подаренной мне отцом, я помню, что именно тогда он и рассказал два случая из своей военной молодости, связанные с Тухачевским. И я передам его рассказ приблизительно в том изложении, в тех же выражениях, в каких я его запомнил, от первого лица. Мне кажется, что этот рассказ интересен как своего рода «фотоснимок» времени не только в историческом, но и в социально-психологическом отношении. Это рассказ военного человека о времени своей молодости, а значит, преимущественно о «времени радости», каковым оно и должно быть (хотя, сознаю и признаю, к сожалению, таковым оно бывает далеко не всегда и далеко не для всех). Это военно-бытовые эпизоды из советских 1930-х годов.

«Я, москвич по рождению и по происхождению, начал свою трудовую деятельность, поступив с товарищами в Метрострой, – тогда, в середине 20-х уже начиналось строительство московского метро, – так, издавек, начинал свой рассказ мой отец. – Однако года полтора-два спустя мы, уже комсомольцы-добровольцы, решили отправиться на строительство тракторного завода в Сталинграде. Там-то, в Сталинграде, я и был призван в ряды Красной армии в ноябре

1929 г. К этому времени уже на всю страну прозвучал призыв: «Комсомолец – на самолет!» Вскоре нас, группу молодых новобранцев, вызвали в политотдел воинской части, и его начальник предложил нам подать рапорт о поступлении в летную школу. Предложение было обращено к имевшим среднее или хотя бы неполное среднее образование. Среднее образование у меня было, а по состоянию здоровья я вполне подходил для службы в авиации. Я хотел стать летчиком, ведь летчики и авиация в те годы были овеяны славой и героической романтикой.

И вот в конце 1929 г. я был зачислен курсантом одной из старейших в России Гатчинской авиационной, или, как тогда было принято называть, «летней», школы. Здесь в 1912 г. начинал свою славную авиационную жизнь известный русский летчик-герой, автор «мертвой петли» и воздушного тарана, штабс-капитан П.Н. Нестеров. Начальником школы был Ратауш Роберт Кришьянович³. Он носил пенсне, характерный по тем временам внешний признак «интеллигентности» и «старорежимности», и нам, молодым курсантам, было странно видеть и трудно представить, как это можно было летать в пенсне, надевая поверх него летные очки. А без очков летать было невозможно. Ведь тогда пилот не был закрыт колпаком. Место пилота было открыто, как говорится, «всем ветрам». Только спереди был плексиглазовый щиток.

Едва оказавшись в авиашколе, попали мы под начальство к старшине, видимо, еще со «старорежимным» стажем. Мы его прозвали «Пилсудским» за огромные пушистые усы фельдфебельского типа. Юзеф Пилсудский, тогдашний руководитель Польши, главного в те времена потенциального врага СССР, был по-своему популярен и широко известен – и по фамилии, и по портретам, преимущественно карикатурным, в газетах и журналах. Ох, и гонял же нас этот «Пилсудский»! Прикажет, бывало, в полной выкладке, со скаткой, противогазом, шанцевым инструментом и пр., летом – марш-бросок с песней – либо со старой солдатской «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...», либо с популярной тогда красноармейской «Эй, комроты, даешь пулеметы, даешь батареи, чтоб было веселей...». И на марш-броске «Пилсудский» вдруг скамандует: «Танки – слева, кавалерия – справа, самолеты – сверху!» – или: «Газы!» Вот и начинаешь суетиться. Натягиваешь этот противогаз, плюхаешься в пыль или грязь дорожную. Буденовка сползает, скатка мешает, жарко, пот течет. Проклинаешь все на чем свет стоит и, в первую очередь, нашего «Пилсудского». А он подойдет к тебе и говорит: «Демаскируешься. Штык у тебя блестит. С самолета все видно». И все заново. Носил он шинель длинную, кавалерийскую. Видимо, служил когда-то в кавалерии. А впрочем, был он человеком старой закваски, настоящий русский унтер-служака, строго соблюдавший устав и, в общем, хорошо муштровавший нас, молодых курсантов.

Обучались мы авиационному делу, летая на стареньких аэропланах, как тогда принято было называть самолеты времен Первой мировой и Гражданской войн, на так называемых «летающих этажерках». Это были монопланы, бипланы и даже трипланы, действительно внешне напоминавшие этажерки, – «нюпоры», «фарманы», «спады», «сопвичи», на которых, наверное, летал еще сам Нестеров со своими товарищами.

Довольно часто навещалось к нам и высокое армейское начальство. Авиационных школ у нас тогда было мало, а Гатчинская, как я уже сказал, была самой старой и самой знаменитой. Неоднократно приезжал к нам нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. Как-то издалека довелось мне увидеть и бывшего советского Главкома в Гражданскую войну, заместителя наркома С.С. Каменева, всех поражавшего своими роскошными усами, правда, торчавшими в разные стороны, а не свисающими вниз, как у Пилсудского, и не закрученными кверху, как у Буденного. Он приезжал к нам с какой-то инспекцией. Гораздо чаще появлялся в школе тогдашний командующий ВВС Ленинградского военного округа, очень известный в те времена летчик Межерауп⁴, а также заместитель командующего округом, тоже весьма известный – четырежды орденоносец И.Ф. Федько. Однажды посетил нашу школу и сам командующий округом, знаменитый тогда Тухачевский.

Это было летом 1930 г. В училище уже знали, что он должен приехать для инспектирования. Не знаю, повезло ли мне или, наоборот, не повезло в тот день, но я оказался дневальным по казарме. К приезду командующего все было, конечно, приведено в идеальный порядок.

Накануне вечером мой товарищ, отправлявшийся в увольнительную, попросил дать ему на время мою буденовку: собственная была ему великовата и постоянно сползала. А его буденовка мне тоже оказалась не по размеру. Вообще, согласно уставной лексике, буденовка официально именовалась «красноармейским шлемом». Порой ее называли «богатыркой», а то и не без некоторой иронии «громоотводом» – из-за ее конического верха. Собственно говоря, буденовкой называли осенне-зимне-весенний вариант этого «шлема», с длинными «ушами», которые в холодную или морозную пору можно было опускать, кутая и шею, и подбородок. А в тот день на мне был летний вариант буденовки, «панاما», с двумя козырьками, спереди и сзади, за что в военной среде он заслужил прозвание «здравствуй-прощай». Так вот, эта «панاما» была не очень удобной: если она была чуть великовата, легко сползала набок. И вдруг утром начальник школы неожиданно объявил, что приезжает сам командующий Ленинградским военным округом Тухачевский. Почему-то все считали, что он поляк, видимо, из-за фамилии, похожей на польскую.

Как на грех, в это утро, выше об этом было уже сказано, я находился в наряде дневальным. Старшина раз пять меня инструктировал, как отдавать рапорт командующему. И вот в летний, жаркий день в полной выкладке, со скаткой через плечо, с винтовкой «у ноги» с прикинутым штыком, с противогазом, да еще в чужой «буденовке-панаме» я находился на своем посту. Естественно, нервничал, командующим был сам Тухачевский, и я все надеялся, что, может быть, занятый более важными делами, он в казарму не пойдет.

...Неожиданно послышались голоса, шуршание песка под ногами. Дверь распахнулась – в помещение вошел Тухачевский, а вслед за ним Межерaup, наш начальник училища Ратауш, Федько и еще несколько мне незнакомых военных «чинов». Тухачевский все-таки решил посмотреть, как живут будущие летчики. Я вытянулся, скомандовал «Смирно!» и, взяв под козырек своей буденовки, строевым шагом подошел к Тухачевскому, отрапортовал. Он, также «взяв под козырек», принял мой рапорт, скомандовал «вольно» и, пожав мне руку, направился осматривать казарму. В то время я, курсант-первогодок, видел Тухачевского только на фото-снимках в «Красной Звезде», да на стенде в Ленинской комнате. Однако мы, курсанты, уже тогда знали, что он бывший гвардейский офицер. Поэтому внешность его невольно привлекла мое внимание и запечатлелась в памяти: сравнительно молодой, красивый человек, выше среднего роста, плотного телосложения, со спокойным, но решительным взглядом своих больших серо-глубоких глаз. Пройдя вглубь казармы, он вскоре вернулся и, о чем-то говоря со своей «свитой», вышел из казармы. Так, я впервые увидел и, если можно так сказать, познакомился с Тухачевским. Разумеется, вряд ли он запомнил меня: в его жизни и боевой службе таких встреч было столь великое множество, что воспоминание о каком-то рядовом курсанте-летчике наверняка не задержалось в его сознании и его памяти. Но для меня это было большое событие – пожать руку живой «легенде».

В 1932 г. я окончил летную школу, стал летчиком и был назначен на должность летчика-инструктора в Чугуевское военно-воздушное училище, входившее тогда в состав Украинского военного округа. В те годы еще не было персональных воинских званий, введенных в Красной армии только в сентябре 1935 г. Поэтому я получил, как тогда определялось существовавшим положением по шкале комсостава, «категорию – 3», или, как обычно обозначалось, – К-3. Это было примерно на уровне не выше будущего «младшего лейтенанта». Командиром эскадрильи, в которой я служил, был Руденко, известный в будущем высший авиационный командир, маршал авиации, под командованием которого в составе его 18-й воздушной армии, мне пришлось вновь служить в 1944–1945 гг. Я неплохо показал себя в долж-

ности летчика-инструктора: в характеристике, выданной мне, были отмечены мои достижения в этой должности.

Различные впечатления тех лет сохранились в моей памяти. Неоднократно доводилось мне видеть и командующего округом – известного командарма И.Э. Якира, и его заместителя, а затем командующего Харьковским военным округом – бородача И.Н. Дубового.

Ко времени моей второй встречи с Тухачевским я был уже лейтенантом в должности командира звена в авиачасти, расположенной недалеко от Чугуева в Харьковском военном округе (после разделения в 1935 г. Украинского военного округа на Киевский и Харьковский). Оттуда я и был направлен в Москву на Первый всесоюзный слет стахановцев военной авиации в числе лучших летчиков военного округа. Тогда-то мне и довелось увидеть Тухачевского, уже Маршала Советского Союза, во второй раз. Это было в Москве 29 февраля 1936 года.

Слет проводился в клубе (Доме офицеров) Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Руководил его проведением начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис.

Чтобы получше разглядеть «знаменитых людей», я устроился на одном из первых рядов. В президиуме сидели замнаркома обороны начальник ПУР РККА Я.Б. Гамарник (он председательствовал на этом слете и вел заседание), Маршал Советского Союза С.М. Буденный, уже названный мною Алкснис, секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, корпусной комиссар Березкин...

На всех произвела впечатление большая и густая черная борода Гамарника, человека, пользовавшегося огромным авторитетом в войсках. Буденный, выступая, постоянно шутил, при этом, обращаясь к стенографисткам, тут же просил: «Это не записывайте». Его выступление, неоднократно вызывавшее веселое оживление в зале, можно сказать, несколько развлекло присутствовавших.

Неожиданно зал, заполненный молодыми, пышущими здоровьем летчиками, расслабленный шутками только что выступившего Буденного, вдруг настороженно притих. Прошелестело: «Тухачевский, Тухачевский!...» Занимая свои посты, засуетились сотрудники НКВД.

Он появился из-за кулис внезапно и быстро прошел к трибуне. В отличие от привычных для военнослужащих тех лет гимнастеров с португеей, галифе, начищенных до блеска сапог, Тухачевский был в темно-синих брюках навыпуск, в свободном кителе (без ремня, без португеи) с золотыми маршальскими звездами на красных петлицах, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди. Тщательно расчесанные на «гвардейский» пробор, гладко прилизанные волосы, дерзкий, слегка надменный (так казалось), но открытый волевой взгляд больших, чуть навыкате, серо-голубых глаз. У нас, молодых командиров, Тухачевский ассоциировался с «киношными» выхоленными офицерами-белогвардейцами из популярного тогда кинофильма «Чапаев». Мы знали, что он был поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Это проявлялось в его осанке, в строевой выправке. Я не помню всего, что он говорил, да, признаться, первые минуты меня привлекало не то, что говорил маршал, а он сам... Тухачевский выступал недолго, минут пятнадцать. Он покинул трибуну и зал столь же стремительно, как и появился. Нам пояснили, что маршал сейчас очень занят. Он не казался нам «своим», как Буденный, но невольно притягивал к себе – ему хотелось подражать».

Поясняя такого рода впечатления, производимые той или иной выдающейся личностью, известный психолог Г. Лебон заметил: «...обаяние может слагаться из противоположных чувств, например, *восхищения и страха*»⁵.

Впечатление, которое произвел Тухачевский на молодого офицера-летчика, на мой взгляд, смыкается с некоторыми штрихами характеристики, данной ему маршалом Г.К. Жуковым, для которого в 30-е годы, несомненно, восхищавший его Тухачевский, кажется, тоже не был «своим». По его мнению, мнению человека «рабоче-крестьянского» происхождения и воспитания, «красного командира» из унтер-офицеров, Тухачевскому «была свойственна некоторая барственность, небрежение к повседневной черновой работе. В этом сказывалось его

происхождение и воспитание»⁶. Ворошилов тоже называл Тухачевского «барчком». Близкий по происхождению, по духу, по своим настроениям Жукову (по его собственным признаниям⁷), комкор И.С. Кутяков свое отношение к Тухачевскому выражал еще более резко (и в разговорах с сослуживцами, и, после ареста, на следствии), называя его «белоручкой», «белой костью» (похоже, вкладывая в определение «белый» и политический смысл), представителем «вновь нарождающейся военной аристократии»⁸. На заседании актива центрального аппарата Наркомата обороны СССР 9 мая 1937 г. А.И. Седякин, близкий друг уже арестованного комкора Кутякова, сообщал, что тот «со страшной ненавистью говорил всегда о Тухачевском: „Это же не наш человек, это – враг. Разве можно ему доверять?“»⁹

Впрочем, все-таки следует отметить и, как мне думается, принципиальные отличия в отношении к Тухачевскому со стороны «красных командиров» рабоче-крестьянского происхождения, выросших из «партизан» Гражданской войны (таких, как Белов, Кутяков, Апанасенко и др.), и молодых «красных офицеров» нового поколения, в званиях лейтенантов – майоров, получивших образование в военных училищах, особенно летчиков, танкистов, артиллеристов. Это были те командиры «новой» Красной армии, «армии моторов», командиры новой формации, которые, будучи воспитанными в основном уже в советское время и, безусловно, «до мозга костей» советскими по мировосприятию, уже позиционировали себя в армии и обществе прежде всего как военных профессионалов. Это были те, кого, отличая и выделяя, Уборевич и Тухачевский называли «культурными командирами».

Место Тухачевского и других «жертв сталинского террора» в хронологической таблице моего поколения, в силу самого хода нашей отечественной истории оказалось необычным. Тухачевский, как другие погибшие в 1937–1938 гг., для меня и моих сверстников оказались современниками. Психологически их гибель воспринималась как случившаяся именно в начале 60-х гг. Биографические сообщения о них в газетах и журналах очень походили на некрологи только что трагически погибших людей. Даже учебник «Истории СССР» для 10-го класса, по которому мы в школе изучали историю советского времени в 1962–1963 г., в значительной части (в разделах, посвященных советской истории 20–30-х гг.) был перепечаткой учебника 1936 г., с тем же портретом Тухачевского в параграфе о советско-польской войне 1920 г. Поэтому Тухачевский и подобные ему «невинные жертвы сталинского террора» стали для меня, для нас (по крайней мере, для большинства) «героями нашего времени».

И еще «memento mori» (помни о смерти), как говорили древние. Несомненно, существенную роль в формировании посмертной парадоксальной популярности Тухачевского, его мифологизации и противоречивой сакрализации сыграла его гибель.

Таинство Смерти, являясь, пожалуй, основополагающим в сознании Человека во все времена, рождало мировые религии и рождает ныне религиозные и псевдорелигиозные увлечения и учения новейшего толка. Но лишь таинство неожиданной, неестественной, преждевременной, как правило, насильственной смерти, в результате Великого Случая в Истории, вторгающегося в жизнь отдельного человека, народа, страны, государства, таит в себе Великий Вопрос, обволакиваемый сакральностью.

В образе смерти, быть может, просматривается и глубинный смысл существования человека, его жизнедеятельности. В определенном мировоззренческом ракурсе это ее итог, результат. Как говорили древние, «fines coronat opus» (конец – делу венец). Жизненный путь, прерванный внешними силами, противоестественная и преждевременная гибель человека становятся импульсом для мифотворческой героизации или демонизации личности, обволакиваемой сакральной сумеречностью. «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте», – размышлял Наполеон, находясь в изгнании на Святой Елене, по выражению А.С. Пушкина, «мучим казнию покоя», «на своей скале», затерянной в Океане. «Распятие открывает путь в царство самопожертвования, – развивает эту мысль А. Мальро. – Разумеется,

поступки героя истории не столь однозначны и славою своей он часто бывает обязан разнородным чувствам. Слава Александра Македонского (самого великого в западном мире завоевателя) понятна, а слава Цезаря нет; убийство Цезаря гарантирует ему славу. Если поражение Наполеона не разрушает его легенду, то лишь потому, что остров Святой Елены сделал его собратом Прометея»¹⁰. И Тухачевский обрел сумеречно-восторженное, романтически-призрачное очертание Героя-Демона – и на «на острие шпаги»¹¹ в своей «наполеоновской драме» под Варшавой, и в трагической гибели «на острие Истории».

Таинство гибели Тухачевского, пожалуй, еще долго (если не всегда) будет интриговать людское воображение, открывая ему путь в «обитель богов, героев и демонов», превращая в один из «мифов нашего времени».

Тухачевскому приписывали многие военные деяния в годы Гражданской войны, которые совершали другие «красные маршалы». Его личность мифологизировалась, обретая «архетипические» свойства в мифологизированной структуре Великой русской революции, подобно мифологизации и архетипизации Наполеона, выросшего из Великой Французской революции.

Мифологизация исторической личности являет собой обнаружение в ее поступках, поведении, манерах, жестах архетипических свойств или признаков, присущих образу или архетипу Героя или Бога. Как и Наполеон, возникший из хаоса и террора Великой французской революции, Тухачевский вырос – из русской. В структурно-семантической системе «архетипа Революции», на нее спроецированной, его место и роль оказались особыми. Это был «Бонапарт», не ставший «Наполеоном». Это был «Тухачевский».

Конечно, и в представлении советского человека 60-х гг., и ныне для большинства людей он был и является, как и Сталин, не реально-историческим образом, но мифом и легендой.

Очередная «мифологизация Тухачевского», рожденная хрущевской «оттепелью», сменила легенду о «враге народа» Тухачевском, созданную официальной пропагандой после 1937 г., в свою очередь, в свое время сменившую «героическую легенду» о Тухачевском 20-х – первой половины 30-х гг., рожденную Гражданской войной. Последние десятилетия формировали и формируют новые мифы о Тухачевском.

Чрезвычайное явление Героя в Истории не может не породить драматичную коллизию между прозой исторического реализма и мифологизированной поэзией героического эпоса, в данном случае – эпоса советского прошлого, мифологизированного государственной пропагандой. В поисках выхода из драматизма мировоззренческого противоречия, в стремлении разрешить парадоксы мировосприятия, найти нить, соединяющую реализм истории и нравственный катарсис, рождаемый героическим романтизмом, Пушкин писал о «властителе дум» своих – Наполеоне:

...Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! – Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.
Оставь герою сердце; что же
Он будет без него? Тиран!¹²

«Исторический» Наполеон является Пушкину в органически-неразрывном единстве его «исторической» и легендарной «испостасей», ибо «наполеоновская легенда», «нас возвышающий обман», непостижимым образом вырастает из феномена «исторического» Наполеона. Именно в таком совмещении таится в Наполеоне его исторический Смысл – в героической

«наполеоновской легенде» и его мифе, возникающих из сумрака легендированной туманности, рожденной чрезвычайной Личностью, обволакиваемой этим сумраком.

Историософия Человека трагична по существу своему. И трагедия эта тем величественней, чем значительней сам человек «Широк человек, – не мог умолчать драматизма своего открытия Митя Карамазов, – не мешало бы сузить. Слишком много загадок угнетают на земле человека. Высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей...»¹³.

Часть I

«Феномен Тухачевского»

«Не говорите *иначе нельзя было быть*, – писал Пушкин. – Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*, мощного, мгновенного орудия провидения...»¹⁴.

История – это поток времени, воплощенного в людях. Причинно-следственная, рациональная логика, постоянно, непредвиденно и неожиданно сталкиваясь и переплетаясь с тайной Его Величества Случая, выхватывает из этого потока те или иные личности, а также порождаемые ими или причастные к ним события и явления. Резонируя с тональностью их природных дарований, архетипов подсознания, психокультурным настроением, свойствами интеллекта, подчас именно Случай превращает их в вершителей судеб стран, государств, сотен тысяч и миллионов людей. Потом уже изыскиваются определенные причинно-следственные обстоятельства, которые вроде бы обусловили объективную необходимость этого Случая. Может быть, и так. А может быть, и не так?

Стереотипы Великой Французской революции с ее «робеспьерами», «маратами», «наполеонами», в качестве некоего «нормативного образца» подводимые под события и процессы Российской революции с ее Гражданской войной и ее последствиями, при кажущейся порой внешней схожести, уводят нас в сторону от постижения исторических реалий. Мы оказываемся в плену неких закономерностей, «исторических повторов», более похожих на фатальную обреченность, будто бы господствующую в Истории, отвергающую Несходство, порождаемое вторжением Случая в «историческую закономерность». Но Случай разрушает ее и творит неведомые и таинственные в своей неясности *новые движения* Истории.

В своем знаменитом «Философическом письме» П.Я. Чаадаев отвергал Россию, усматривая в ней, в ее истории и культуре движение в «ложном», «неправильном» направлении, отклонение от якобы «образцовой», «правильной» западноевропейской истории и культуры.

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, – возражал А.С. Пушкин своему другу, – ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»¹⁵.

«Поймите же и то, – как бы продолжал, подытоживая, Пушкин в одной из статей, – что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы...»¹⁶.

Наши представления о генезисе и метаморфозах русской революции и ныне не могут вырваться из цепких объятий «Краткого курса истории ВКп (б)»¹⁷, хотя Русская революция много сложнее и противоречивее жестких формул, стесненных его «прокрустовым ложем».

Русская революция, быстро превратившаяся в тотальную всероссийскую анархию, в силу этого, кажется, таила в себе, в самом своем существовании, потребность в ее тотальном обуздании, тенденцию к тоталитарности, к тоталитарной, всеобъемлющей власти.

Множество «вождей», «вождят» и «вождишек» в начальный период революционной анархии неизбежно должен был эволюционировать в гражданскую войну множества сословных и социальных групп и «группок», «группировок». Выросшая из Мировой войны, поставившей под ружье без малого 10 миллионов солдат, «мировая революция», вспыхнувшая в России, не могла не воплотиться в многомиллионном «человеке с ружьем», в том самом, по

выражению К.П. Победоносцева, «лихом человеке», который давно уже «бродил по ледяной пустыне России».

В разлом самодержавно-государственной плотины, разрушенной окончательно Октябрем 1917-го, хлынули эти 10 миллионов молодых, напоенных кровью людей, в своем большинстве умевших лишь убивать себе подобных, привыкших решать социальные, политические и идеологические проблемы при помощи винтовки, штыка, шашки и револьвера.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово,
Товарищ маузер! —

будто в подтверждение сказанному вспоминаются хрестоматийные строчки Владимира Маяковского. А еще вспоминается «красный командир» Дмитрий Жлоба, выхвативший из кобуры, в качестве аргумента, свой револьвер и стрелявший в бывшего белого генерала Я.А. Слащева, когда тот на лекции разбирал неумелые действия корпуса Жлобы летом 1920 г. Хладнокровно, не прячась от выстрелов, Слащев, сам прошедший через «огонь, и воду, и медные трубы» Гражданской войны, неторопливо, с расстановкой и почти не прикрытым издевательством добавил: «Вот, как Жлоба сейчас в меня стрелял, так он и воевал».

Возможно, это предание, мною вольно пересказанное, но, несомненно, предание, отражающее «привычки» «красных» и «белых» героев Гражданской войны.

Не помню, где-то довелось прочитать, как однажды Тухачевский в ответ на просьбу своей дочери-школьницы (в школе было дано какое-то такого рода задание), на ходу, подсказал ей строчки детского стихика:

Читать, писать, считать учиться,
Чтоб получать ответы,
И хорошо еще стрелять,
Чтоб защищать Советы!

Все они лучше всего умели стрелять... Порой мелькнет мысль: не закончилась ли Гражданская война в России лишь в 1937—38 гг., когда ее активные участники, победители и побежденные, наконец перестреляли друг друга?

Русская революция, разлившаяся Гражданской войной по всей России, разорвала ткань прошлого. Лоскуты его, полощась на ветру времени, обнажили распоротое сознание людей, внесли гражданскую войну в их мировосприятие. Порой кажется, что это «окопное состояние» по сей день до конца не покинуло нас. И потому по-прежнему кажутся актуальными строчки М. Волошина из незабываемого 1919 года:

...Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию.
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула.

О том же и не лишённые оттенка трагикомичной обреченности впечатления и рассуждения страдающего от гражданской войны «маленького человека» из дневника И. Бабеля:

«Житомир. 3.6.1920...Маленький еврей-философ...: все говорят, что они воюют за правду, и все грабят...»¹⁸.

Каждая сторона билась за «веру», и каждая стремилась захватить Россию. И этот, охваченный всероссийской революционной бурей поток времени, воплощенный в людях, неожиданно вынес на гребень своего «девятого вала» и выплеснул на «Россию, кровью умытую»¹⁹ вместе с другими, первоначально порой и более значимыми «революционными вождями» – Сталина и Тухачевского.

«Краснощекие поручики», «бонапарты» и «Тухачевские»

18 (29) октября 1799 г. генерал-фельдмаршал А.В. Суворов оптимистично заверял в письме эрцгерцога Карла: «В Италии оставил я не более 20000 солдат неприятельской армии, но к весне могут ее пополнить крестьяне, а до сего времени совладаем мы с Бонапартами»²⁰.

Так, скорее всего неосознанно, великий русский полководец обозначил и типологизировал новое явление в военной истории, порожденное Великой Французской революцией, обобщив ее революционных генералов именем самого знаменитого из них – «бонапарты».

Революция и Гражданская война в России, устами участников и наблюдателей, внесли свои, российские коррективы в типологию своих «революционных генералов» – и «красных», и «белых, обобщенно называя их «вундеркиндами», «краснощекиими поручиками», «наполеонами», «тухачевскими» (!)²¹.

В советской публицистике времен Гражданской войны восторженно писали о «красных маршалах», ощущая в этом словосочетании пламенное дыхание Великой Русской революции, слыша в воинском чине «маршал» в противоположность «полковникам», «генералам», «фельдмаршалам» эхо Великой Французской революции

Л.Д. Троцкий в одной из своих программных статей по военной доктрине Красной армии вроде бы мимоходом, но явно с особым смыслом заметил, что «бонапартизм вырос из революционной войны»²². Стилистически броское выражение, бесспорным мастером которых являлся Троцкий, явно восходит к менее броскому, но достаточно глубокому осмыслению «бонапартизма» на теоретическом уровне, выраженному К. Марксом:

«Наполеон был олицетворение последнего акта борьбы революционного терроризма против провозглашенного той же революцией буржуазного общества и его политики... Он не был мечтательным террористом. Но в то же время Наполеон рассматривал еще государство как самоцель, а гражданскую жизнь исключительно как казначея и своего подчиненного, который не вправе иметь свою собственную волю. Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну».

Обращаю внимание читателя лишь на последнюю фразу, несущую основную смысловую нагрузку в контексте всех последующих фактов и рассуждений: «Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну».

А в январе 1920 г. командарм Тухачевский уже сформулировал свою концепцию «революции извне» или «перманентной революционной войны», став ее главным теоретиком и идеологом. «Пролетарское государство становится островом среди моря прочих – буржуазных государств, – писал он. – Социалистический остров в таком море невозможен, буржуазия не может допустить его существования. Он или должен погибнуть под ударами буржуазии, или должен распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире. Диктатура пролетариата, хотя бы из чувства самозащиты, должна поставить целью для своей армии свержение власти буржуазии во всем мире»²³. А в июле 1920 г. – в самый разгар своих побед на Западном фронте, своего стремительного продвижения к Варшаве – Тухачевский, до примитивности просто, сформулировал основные положения своей теории «перманентной революционной войны».

«Главными положениями стратегии классовой, т. е. гражданской войны, на которой приходится строить все расчеты, – писал Тухачевский, – будут таковы: 1) война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно. Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы

в скрытом виде»²⁴. А в январе 1921 г. Тухачевский открыто признал свою концепцию «перманентной революционной войны» «коммунистическим империализмом»²⁵.

Поэтому «краснощекий поручик» Тухачевский стал первым признанным «бонапартом» и «вундеркиндом» в Красной армии: он был первым «переведен в Генштаб» в порядке исключения, без обучения в Академии Генштаба, за особо выдающиеся военные заслуги. Из приказа о его «переводе в Генштаб» становится ясным, какого рода выдающиеся заслуги обуславливали такого рода «почетное звание».

«...М.Н. Тухачевский, – указывалось в приказе, – вступил в Красную Армию и, обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле. Приобретая с каждым днем новые теоретические познания в военном деле, М.Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах»²⁶. С аналогичной мотивировкой были вслед за ним «переведены в Генштаб» осенью 1920 – летом 1922 г. три других советских «вундеркинда» и «бонапарта»: М.В. Фрунзе, А.И. Егоров, И.П. Уборевич.

Сказанного выше о «краснощеких поручиках», «вундеркиндах», «наполеонах», «тухачевских», «красных маршалах», думаю, вполне достаточно для выведения формулы «феномена Тухачевского», обобщающей это военно-социально-политическое явление, и определения ее в качестве центрального предмета последующих изысканий и размышлений.

«Феномен Тухачевского» обусловлен двумя «историческими контекстами» – «русской мировой революцией» и «Сталиным». Тухачевский был персонифицированным воплощением химеры «коммунистического империализма», не сумевшего втиснуться в «сталинскую шинель» «русского коммунизма». В этом словосочетании основную смысловую нагрузку несла его вторая часть – «империализм». А первая – определение «коммунистический» – имела для Тухачевского лишь «инструментальное» назначение.

Вторжение в мировую историю

«Если мы до зимы не завоюем Урала, – писал Ленин в 1919 г., – то я считаю гибель революции неизбежной»²⁷. Без преувеличения, без агитационно-пропагандистской риторики, идеологической и политической гиперболы белый режим «Омского верховного правителя России» адмирала А.В. Колчака представлял для советской власти главного соперника и конкурента в борьбе за Россию. Огромнейшее пространство Азиатской России, от Урала до Тихого Океана, территориально в несколько раз превышающее европейскую ее часть, насыщенное бесценными и грандиозными по масштабам природными ресурсами, эта большая часть бывшей Российской империи была в состоянии поглотить своего большевистского соперника. Категоричность угрозы, представленной Лениным в цитированной выше фразе, безжалостно отражала смертельную опасность для советской власти и нависшую социально-политическую вариативность для судьбы России.

«Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, – сообщал Сталин 3 февраля 1920 г. Буденному и Ворошилову, – я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского – завоевателя Сибири и победителя Колчака»²⁸

Пожалуй, Тухачевскому было уже вполне достаточно и этого, чтобы вписать свое имя в Большую Историю, в судьбу России. Уже в этой формуле, определявшей «код» личности Тухачевского, для Сталина все предельно ясно: «завоеватель Сибири и победитель Колчака». В ней присутствуют все основные признаки героического мифотворчества, учитывая свойства мировосприятия малограмотным и неграмотным большинством российского населения: неведомый доселе большинству «герой» с таинственным именем «Тухачевский» обладал основными «героическими» свойствами «завоевателя» и «победителя». Он «победитель» воплощенного Зла (всех трудящихся мира) под таинственным названием «Колчак»; он «завоеватель его царства» – «царства Зла» – «Сибири». Даже в июне 1937го, прерывая маршала Егорова, говорившего о «враге народа» Тухачевском, Сталин не мог не отметить: «Он в 5-й армии неплохо дрался... В 5-й неплохо шел»²⁹. «Герой» или «Демон гражданской войны», как назвал его как-то Сталин?

В 1920 г. непостижимым ли Замыслом свыше или игрою Случая, неисповедимыми ли путями Господними или кознями Дьявола, но удивительным образом именно подпоручик императорской лейб-гвардии Михаил Тухачевский вновь оказался «на острие шпаги»³⁰ Мировой Судьбы, во главе потока Мировой Революции, хлынувшей из России на Запад (ну не насмешка ли истории над Революцией, которую возглавил офицер самого контрреволюционного, императорского лейб-гвардии Семеновского полка, подавлявшего русскую Революцию в 1905 году?!).

Завороженный ее пламенем, вспыхнувшим в России, будто одержимый им, в inferнально-поэтическом вдохновении, замешанном на риторике и ритмике «наполеоновских приказов», Михаил Тухачевский призывал: «Красные солдаты! Устремите свои взоры на запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»³¹ Звучит будто эхо призыва Бонапарта, обращенного к армии в 1796 г.: «Солдаты! Ваше терпение и храбрость... изумительны... Я поведу вас в самые плодородные равнины мира...»³².

«Красные гунны» во главе с «новым Атиллой», – била тревогу европейская пресса, – стремятся к Рейну, чтобы вновь напоить им своих коней, «жечь города и в церковь гнать табун, и мясо белых братьев жарить!»³³. «Hannibal ante portas!»³⁴ – с тревогой будили Европу жур-

налисты³⁵. Разумные или безумные, гениальные или бездарные приказы 27-летнего Тухачевского – в этом ли суть, – но они предопределили грядущий вектор российской и европейской, да, пожалуй, и мировой истории. Он оказался, как сказали бы синергетики, в «точке бифуркации»³⁶ Мировой Судьбы. Но случилось «чудо на Висле!». У самой Варшавы, у «варшавских ворот» в Западную Европу «почти победитель, почти Наполеон»³⁷ рухнул в катастрофу и, по собственному признанию, «за один день постарел на десять лет», а «мировая революция», резко изменив вектор движения, устремилась к своему преображению в «русский коммунизм». Захлебнувшиеся в потоках крови остатки «грядущих гуннов», к которым некогда с нетерпением взывал В.Я. Брюсов, с «новым Аттилой-Тухачевским» во главе, отхлынули в Россию.

Впрочем, ошеломивший Европу июльский «блицкриг» Тухачевского, завершившийся не менее ошеломляющим его катастрофическим поражением под Варшавой, пожалуй, имел гораздо меньшее значение, чем «его Кронштадт».

Если «залп «Авроры», поднявший революционных матросов, «красу и гордость революции», на разрушение «старого мира», ознаменовал начало рабоче-крестьянской Революции в России, то «Кронштадт», оборонявшийся той же самой «красой и гордостью революции», – последний ее залп, возвестившего о ее гибели. Штурмом взяв мятежный Кронштадт, Тухачевский сам превратился в персональный символ «Человека с ружьем», спасшего «русский коммунизм» от гибели. Победа Красной армии в Гражданской войне парадоксально воплотилась в совсем не «красном» «демоне гражданской войны», в аристократе Тухачевском.

Сталин, творец «русского коммунизма», шел к власти и в Большую Историю, как будто не спеша, тихо, по кошачьи неслышно и незаметно, но неуклонно и целенаправленно, ступая в своих мягких кавказских сапогах по ступеням, ведущим к их вершинам, будто бы с черного хода, постепенно овладевая паутиной людских судеб не только на шестой части суши.

И Сталину, и Тухачевскому власть над Россией была нужна, пользуясь выражением Гете, «как мрамор нужен скульптору»³⁸. Сталин безжалостно втискивал Россию в «русский коммунизм». Тухачевский, воодушевленный «коммунистическим империализмом» (его выражение), под знаменем «национал-большевизма» (никогда не произнося этого словосочетания), не менее (а может быть, и более) безжалостно мечтал загнать ее в «казарму красного милитаризма». Но в роковом и судьбоносном 1937-м, в последний раз оказавшись «на острие шпаги», Тухачевский столкнулся с «русским коммунизмом», воплотившемся в Сталине. Не был ли Сталин Судьбой России?

Граф Тухачевский

*...В багровом мареве языческих пророчеств,
Короной сумрака венчающих закат,
Бесшумный веющий ворон птицей ночи
Шепнет о чем-то смутно, невпопад.
И проскользнут случайно, в беспорядке,
Без логики и смысла, как во сне,
Как впечатленья в призрачном остатке
В глубинах памяти мерцают, как во тьме:
И Кот-Баюн в преданьях Лукоморья,
Варяжские лады на цареградском взморье;
Кудесник в свете гаснущего дня
Пророчит князю гибель от коня;
И сад чудес в безумье чародейства,
Лик «Бонапарта» в смуте лицедейства,
И пафос скифства в гуле мятежа,
И на штыке красногвардейца
Христос возникнет в снежной мгле,
На миг, чтоб тут же раствориться,
В тоскливо-монотонном дне.*

С.Т. Минаков

Он «был стройным юношей, весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел», – вспоминал о будущем маршале друг семьи и его близкий приятель, известный музыкант Л.Л. Сабанеев. – ...В нем было нечто от „достоевщины“, скорее от „ставрогинщины“»³⁹. Демонстративный «аристократизм» Тухачевского провоцировал иронию его приятелей по кадетскому корпусу и Александровскому военному училищу, прозвавших его «новоявленным Андреем Болконским»⁴⁰.

«Строевой офицер он был хороший, – оценивал его фронтовое поведение однополчанин, князь Касаткин-Ростовский, – ...хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей....Он всегда был холоден и слишком серьезен. с товарищами вежлив, но сух»⁴¹. «Гвардейски-аристократическая», холодноватая надменность Тухачевского бросилась в глаза и Н.А. Цурикову, оказавшемуся с будущим маршалом в одном лагере для военнопленных в Ингольштадте⁴².

Сослуживец, близко наблюдавший его в 1919 г., вспоминал: «Одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями»⁴³. «Аристократ», по мнению В.М. Молотова⁴⁴. «Он казался всегда несколько самоуверенным, надменным...» – отмечала Г.Серебрякова⁴⁵.

«Аристократизм» был образом жизненного поведения Тухачевского, его общественного самоутверждения, а в условиях советских – нарочито-вызывающей демонстрацией «аристократа в демократии»⁴⁶. Английская пресса еще в 1920 г. утверждала, что «советские главари страшно дорожат присутствием в их среде Тухачевского...»⁴⁷, поэтому он мог позволить себе провоцирующую демонстрацию своего аристократизма. «Он был уверен в себе и собственном влиянии», – заметил генерал М. Гамелен, принимавший его в Париже в феврале 1936 г.⁴⁸ Даже

перед Военным трибуналом, судившем его в 1937-м, «Тухачевский старался хранить свой аристократизм и свое превосходство над другими...»⁴⁹.

«Аристократизм» был психоментальной призмой, сквозь которую он воспринимал жизненные, социально-политические ситуации и реагировал на них. «Груз памяти предков» в определенной мере предопределил и его гибель. «Барство Ставрогина всех прельщает – аристократ в демократии обаятелен, – и никто не может ему простить его барства, – будто бы в связи со сказанным чутко полагает Н.А Бердяев. – ...Его трагическая судьба связана с тем, что он – обреченный барин и аристократ. Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать. Только барин и аристократ мог бы быть Иваном Царевичем и поднять за собой народ. Но он никогда этого не сделает, не захочет этого сделать и не будет иметь силы этого сделать»⁵⁰. Несомненно, в периоды политических кризисов в СССР Тухачевский, возможно, ждал «народного призыва», обращенного к нему как к «спасителю Отечества», – и это было то самое «ожидание власти». В этом-то и была его гибельная ошибка.

Согласно официальной родословной Тухачевских, указанной в 6-й части Дворянской родословной книги Московской губернии, род Тухачевских происходил от «графа Индриса»⁵¹, приписанного в Чернигове в княжестве великого князя Мстислава Владимировича, из цесарской семьи. Там (Индрис) крестился, приняв имя Константина. У Константина сын Харитон. Внуки Индриса: Андреян, Осип, Иван, Карп. Андреян и Карп приехали в Москву. От Андреяна и Карпа пошли роды»⁵². Это подтверждал в своем прошении на имя императора Александра I прапрадед маршала Н.С. Тухачевский⁵³. Кратко об этом говорится и в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»⁵⁴. О самом «графе Индрисе» в родословных преданиях существовало три версии.

По одной из них, Индрис был литовским воином, жившим в XIV в. По другой – он был воином немецким, тоже жившим в XIV в. Третья, кажущаяся наименее достоверной, но принимавшаяся в качестве официальной, указывала на более древние и благородные корни этого рода.

Согласно этой версии, граф Индрис являлся сыном графа Фландрского Бодуэна (Балдуина) IX, одного из главных предводителей IV-го крестового похода (1202–1204), ставшего первым императором Латинской империи, образовавшейся на территории распавшейся империи Византийской. В сражении с болгарским царем в 1205 г. Бодуэн IX то ли погиб, то ли попал в плен и в плену умер. Во всяком случае, судьба его для современников и потомков оказалась смутной. Согласно родословному преданию, в достоверности которого в семействе Тухачевских никто не сомневался, один из его сыновей, молодой граф Индрис (Генрих), женившись на турчанке, после смерти отца появился в Одессе, тогда входившей в состав Латинской империи (на византийской территории), а затем перебрался на Русь и ок. 1251 г. появился в Чернигове⁵⁵.

Что касается «литовской версии» происхождения «графа Индриса», то косвенный намек на нее сохранился в родословной версии Даниловых. В записках майора артиллерии М.В. Данилова, составленных в 1771 г., со ссылкой на старинную «сказку» (указ), сообщается: «Лета шесть тысяч шестьсот первого года (от Рождества Христова в 1093 году) прииде немец из Цесарского государства в Чернигов, муж честен, имени Индрик, с двумя сыны своими, с Литвином да Земодентом, и с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей»⁵⁶. Имена сыновей «графа Индриса», как мы видим, указывают на их литовское происхождение, судя по имени второго сына, – выходцами из Земгалии. Однако литовская экспансия на Северские (Черниговские) земли ранее XIV в. не прослеживается. Доводом в пользу польско-литовского происхождения Тухачевских является их принадлежность к польскому гербу «Гриф, Свобода»⁵⁷.

Родоначальником фамилий герба «Гриф, Свобода», согласно преданиям, был Якса, сын Лешка III, жившего в X столетии и получившего в удел Сербию⁵⁸. Однако на гербе Тухачевских, утвержденном 4 октября 1803 г. и внесенном в 7-ю часть «Гербовника», «выходящая из облака в латах рука в мечом»⁵⁹. Это – четвертая разновидность герба «Погонь», который всегда служит признаком принадлежности к княжескому литовскому дому Гедиминовичей⁶⁰. Как правило, эту разновидность герба «Погонь» разрешалось помещать на гербах «в знак храбрости и отваги»⁶¹.

Следует отметить, что гербы польско-литовского происхождения у дворян, выезжавших из Польши и Литвы и поступавших на службу и в подданство к русским Великим Князьям и царям, в XVI–XVII вв. в Посольском приказе тщательно проверяли по польским гербовникам, чтобы удостовериться в действительной принадлежности дворянина к данному родовому гербу⁶². В этом отношении герб Тухачевских может быть более достоверным основанием для выяснения происхождения их рода, чем родословное сказание о «графе Индрисе». На польско-литовское происхождение рода Тухачевских, казалось бы, указывает сама их фамилия. Впрочем, происхождение фамилии также достаточно любопытно.

О прямых предках маршала, получивших фамилию Тухачевских, в «Общем гербовнике» говорится следующее: «Происшедшие от сего Индриса Богдан и Тимофей, Григорьевы дети, от Великого Князя Василия Васильевича пожалованы вотчинами и селом Тухачевским, и потому Великий Князь прозвал их Тухачевскими»⁶³. Прапрадед маршала Н.С. Тухачевский в прошении на имя императора Александра I о восстановлении в графском титуле уточнял: «Праправнук графа Константина Индриса, Григорий Григорьев сын, от сотворения мира в 6916, от Р.Х. в 1408 г. с сродниками своими и товарищами приехал из Чернигова в Москву к Великому Князю Василию Дмитриевичу. Потом дети сего Григория Богдан и Тимофей от великого князя Василия Васильевича за верную службу пожалованы были в Серпейском уезде селами Скориным и Тухачевским с 20 к ним деревнями, да в Московском уезде в Тухачевской волости 3 деревни, и по оным Великий Князь прозвал их Тухачевскими. Сын Богдана Михаил в царствование царя и Великого Князя Ивана Васильевича... был воеводой на Романове, и потом многие Тухачевские были на службе государевой, во многих посылках при ратных и посольских делах, о чем известно в разрядном архиве, а потом по представленным документам от Московского дворянского собрания в герольдию, герб рода Тухачевских внесен в гербовник российского достоинства»⁶⁴. От отмеченных выше Богдана Григорьевича и Тимофея Григорьевича Тухачевских пошли две основные ветви этого рода: старшая – от Богдана Григорьевича и младшая – от Тимофея Григорьевича, к которой принадлежал и маршал. Однако, прежде чем продолжить генеалогический экскурс, полагаю целесообразным устранить некоторые хронологические сомнения.

Если указанный выше Михаил Богданович Тухачевский был воеводой на Романове при Иване Грозном (т. е. в пределах его правления – 1533–1584 гг.), то его отец, упомянутый выше Богдан Григорьевич Тухачевский, оказался на службе у Московских великих князей не в начале XV в., а не ранее начала XVI в. Этот Богдан Григорьевич Тухачевский, следуя вышеизложенным родословным сведениям, был прапраправнуком Константина-Индриса. При таком расчете времени, Индрис вряд ли мог оказаться на Руси ранее середины XIV в., но никак не в первой трети XII в.⁶⁵ В связи с вышесказанным обратимся к некоторым великокняжеским документам XIV–XVI вв.

В «Духовной грамоте» великого князя Ивана Даниловича Калиты 1327 г. мы читаем: «А се дал сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунжское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Шитов, Перемышль, Растовец, **Тухачев**»⁶⁶. Иными словами, Тухачев был в 1327 г. передан во владение его сыну Андрею Ивановичу, который передал его по наследству сво-

ему сыну – серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму, известному и отважному соратнику Дмитрия Донского в Куликовской битве. Лишь после смерти потомков Владимира Андреевича серпуховского, в 1504 г. великий князь Иван III по своей «духовной грамоте» передал «сыну же своему Юрью... город Брянск с волостями... Да ему же даю город Серпейск с волостями и со всем, что к нему потягло, и волости Замошье, **Тухачев...**»⁶⁷. Князь Юрий Иванович умер в 1536 г. бездетным. Таким образом, лишь после его смерти Тухачев мог получить во владение еще кто-либо. Иными словами, передача Тухачева, Тухачевского стана, Тухачевой волости Богдану Григорьевичу, получившему оттого прозвание Тухачевский, могла произойти не ранее 1536 г., т. е. лишь в первые годы правления Ивана IV. Уместно потому предположить, что родовая легенда удревяняет первого представителя самой фамилии Тухачевских с первой половины XVI в. до середины или даже до начала XV в.

В стремлении объяснить этимологию фамилии «Тухачевские» некоторые исследователи полагают, что предки маршала, скорее всего, выходцы из тюркоязычной среды, о чем свидетельствует основа фамилии в виде тюркского слова «ТУХАЧИ», т. е. «знаменосец»⁶⁸. Однако, учитывая приведенные выше сведения о наличии Тухачева уже в первой трети XIV в., задолго до появления фамилии Тухачевских, это слово лежит в основе наименования этого населенного пункта. Сама же фамилия оказывается производной от его названия. Тухачева волость или Тухачев, видимо, могла первоначально принадлежать какому-то татарскому «тухачи», т. е. «знаменосцу», очевидно, в XIII – начале XIV вв. Отсюда и название «Тухачева волость», которая могла быть пожалована одному из предков маршала Тухачевского не ранее 1536 г. Только после этого и появилась сама фамилия. Интересно, что С.Б. Веселовский встретил в документах XVII в. Упоминание о приказчике бояр Шереметевых (в 1609 г.) явно татарского происхождения – Ертусланова по имени Индрис⁶⁹. Имя «Индрис», возможно, является искаженным в русском языке, весьма распространенным в мусульманском мире именем «Идрис». Так что, быть может, «граф Индрис», «выходец из цесарской земли», на самом деле, был по происхождению татарин. В таком случае вполне логичным могло быть сочетание «Индрис Тухач», т. е. «Индрис-знаменосец», получивший земли в Московском уезде, после чего это освоенное и заселенное им местечко стало называться «Тухачев стан» или «Тухачево». Но в таком случае можно полагать, что и все те дворянские фамилии, которые производили себя от «Индриса, выехавшего из цесарской земли», на самом деле происходили от этого самого «Индриса Тухачи».

Впрочем, возможна и иная этимология основы фамилии «Тухачевские». В XVII в. она произносилась и писалась также в вариантах «Тухочевские», а также «Тукачевские». Поэтому не исключено, что в основе фамилии было финно-угорское слово «тукач», что означает «сноп, связка, охапка соломы или льна»⁷⁰. Но, возможно, это слово, «тукач», имеет общеславянский корень «тук» – «жир, сало»⁷¹. Достаточно распространенное мнение, что Тухачевские происходили из польского дворянства, а точнее, из так называемой «Смоленской шляхты», что не удивительно для Смоленщины. Этнокультурный состав «Смоленской шляхты» был весьма сложным: обрусевшие поляки, литовцы, литовские татары, колонизированные русские дворяне из старинных дворянских фамилий. Однако на польское происхождение этой фамилии, несмотря на ее звучание, никаких прямых указаний нет. Не обнаружено и польских, польско-литовских или западно-белорусских, западно-украинских населенных пунктов, с названием, которое могло бы послужить основой для этой фамилии.

Согласно генеалогии старшей ветви Тухачевских, ведущейся от Богдана Григорьевича, у последнего было два сына – упомянутый выше романовский воевода Михаил Богданович и Иван Богданович. Они оба были пожалованы «в Смоленском уезде селом Чижевым да селом Уткиным с деревнями в двести дворов»⁷². С этого времени они уже считались «смоленскими детьми боярскими», получив свои смоленские вотчины и поместья, очевидно, за службу от

царя московского после присоединения Смоленска к Московскому государству (т. е. после 1514 г.).

В «синодике» погибших под Казанью в 1552 г. значится «атаман казаческий» Иван Тухачевский. Был ли это Иван Богданович Тухачевский или его сын Иван Иванович, сказать трудно. В «Родословной» этот факт не отмечен. У Ивана Богдановича Тухачевского было три сына: указанный Иван, Юрий и Астафий (Остап, Евстафий, Остафий)⁷³. В документах XVII–XVIII вв. чаще других встречаются упоминания о потомстве Астафия (Остафия, Остапа, Евстафия) Тухачевского. Известны два его сына Яков Остафьевич Тухачевский, упоминаемый в документах 1609–1644 гг.⁷⁴, и не указанный в «Родословной» Федор Остафьевич Тухачевский, оказавшийся в 1611 г., с падением Смоленска, в польском плену⁷⁵.

После потери Смоленска в 1611 г., а вместе с ним и своих поместий в Смоленском уезде оставшиеся верными русскому царю Михаилу Федоровичу «смоленские дети боярские», в частности Яков Остафьевич Тухачевский, получили от царя взамен, «на службу», поместья в других уездах. Якову Остафьевичу Тухачевскому были пожалованы поместья и вотчины в Кинешемском (в районе Кинешмы), Московском и Костромском уездах⁷⁶. Сын его, Василий Яковлевич Тухачевский, в 1650–1659 гг. упоминается как «дворянин московский»⁷⁷. Он был убит под Конотопом в 1659 г.⁷⁸ Другой его сын, Осип Яковлевич Тухачевский, указан «жильцом» в 1675 г. и воеводой в Чугуеве⁷⁹. В 1677 г. он встречается в документах в чине стряпчего, и в 1677–1692 гг. – стольника⁸⁰. В 1695 г. он участвовал в организации первого Азовского похода⁸¹. Третий сын, Гаврила Яковлевич, в чине стряпчего указан в боярских списках и в боярских книгах 1659, 1668, 1676 гг.⁸² В 1677 г. он был пожалован в стольники, оставаясь в этом чине и в 1692 г.⁸³ Он принял активное участие в русско-турецкой войне 1673–1681 гг.⁸⁴, а затем в 1682 г. воеводствовал в Кевроле на Мезени и в 1697–1698 гг. – в Пензе. Его сын, стольник Яков Гаврилович, упоминается в 1702 г. Эта ветвь Тухачевских пресеклась к 1736 г. со смертью Гаврилы Осиповича Тухачевского и его второго сына Андрея, а их владения перешли ко второй, младшей, единственной оставшейся ветви Тухачевских, к которой принадлежал маршал⁸⁵.

Младшая ветвь рода Тухачевских происходила от Тимофея Григорьевича. Как отмечено в «Родословной Тухачевских», «у Тимофея сыновья: Василий, Богдан, Александр, Данила и Юрий»⁸⁶. Юрий Тимофеевич Тухачевский погиб 24 мая 1571 г. в бою с крымскими татарами. Трое других, «Богдан, Тимофеев сын Тухачевский, с братьями Василием и Данилою переведены в г. Брянск из Серпейска и пожалованы землями в Брянском уезде»⁸⁷. Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению, ветвь Тухачевских, к которой принадлежал маршал, была не «смоленской», а «брянской». Владения в Смоленской губернии они получили значительно позднее, вследствие пресечения другой, старшей ветви этого рода (о чем ниже будет сказано отдельно).

Следующим прямым предком маршала был Леонтий Богданович Тухачевский, который, как сказано в «Родословной», «служил по Брянску по выбору» и был «убит под Черниговым»⁸⁸. Из двух его сыновей – Игнатия и Прокофия – первый, Игнатий Леонтьевич Тухачевский, был следующим прямым предком маршала. Он также «служил по Брянску по выбору» и был «убит под Смоленском»⁸⁹. «Брянчанин» «сын боярский» Игнатий Леонтьевич Тухачевский, как и его сын Григорий Игнатьевич Тухачевский, упоминается в «жалованной грамоте» царя Бориса Федоровича Годунова 31 января 1605 г.⁹⁰ Дата гибели И.Л. Тухачевского под Смоленском в «Родословной» не указывается. Скорее всего, это произошло в 1611 г. во время осады Смоленска польско-литовскими войсками.

У И.Л. Тухачевского было три сына – Афанасий, Михаил (оба погибли в Смоленске в 1611 г.) и Григорий⁹¹. Григорий Игнатьевич Тухачевский (ум. ок 1648) был прямым предком маршала. Выше уже отмечалось, что он как «брянчанин» и «сын боярский» упоминается в «жалованной грамоте» Бориса Годунова от 31 января 1605 г.⁹² Как указано в «Родословной», со ссылкой на официальные документы, «дано ему жалованье по указанной статье 10 рублей и поруки по нем в службе... Григорей про себя сказал жалованье, поместья за ним в

Брянском уезде 126 четей, а крестьян в том поместье 7 крестьян, а 10 бобылей с жалованьем на коне... саблею, да человек с ним на мерине с пищалью да. окладчики про Григореев поместье и что за ним крестьян и бобылей, про то окладчики сказали, не ведают...»⁹³. По другим сведениям, полученные им за службу поместья и вотчины в Брянском уезде в 1628 г. – ок 200 десятин пахотной земли и ок. 100 крестьянских дворов⁹⁴ – в 1648 г. были переданы его сыновьям: Ивану Большому Тухачевскому, Ивану Меньшому Тухачевскому и Михаилу Тухачевскому, Роману, Григорию и Филиппу⁹⁵. В 1658 г. эти поместья оказались в распоряжении первых трех⁹⁶, поскольку трое последних погибли в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг.: Роман Григорьевич Тухачевский – под Соколом, Григорий Григорьевич Тухачевский – под Львовом и Филипп Григорьевич Тухачевский – под Мстиславлем⁹⁷. Впрочем, и Михаил Григорьевич Тухачевский, упоминаемый в 1653–1657 гг. в чине «жильца», в 1658 г. – «дворянина московского» и «поручика»⁹⁸, погиб в 1659 г. в сражении под Конотопом⁹⁹.

Упоминание прямого предка маршала – Ивана Большого Тухачевского (ум. 1683) – неоднократно встречается в документах. 29 декабря 1653 г. брянский воевода князь Г. Долгоруков писал царю Алексею Михайловичу, что «послал на Смоленский рубеж в станичные головы брянчанина Ивана Григорьева сына Тухачевского»¹⁰⁰. Этот Иван Большой Тухачевский 29 декабря 1653 г. в качестве стряпчего упоминается в походах царя Алексея Михайловича в 1654, 1664 гг. В январе – июне 1665 г. он был на том же «смоленском рубеже» воеводой в Рославле¹⁰¹. За службу свою в 1660 г. он также получил от царя Алексея Михайловича «в вотчину поместье» в том же Брянском уезде¹⁰². По данным на 1681 и 1682 гг. в «трети» И.Г. Тухачевского было 60 десятин пахотной земли и 31 крестьянский двор¹⁰³.

В отличие от Ивана Большого, верно служившего царю, его брат, Иван Меньшой, в 1644 г. «ходил за литовский рубеж», а во время русско-польской войны в 1664 г. «отъезжал к польскому гетману М. Пану, приходившему войной под Рославль и Брянск» и «с польскими людьми выжег» поместья Ивана Большого¹⁰⁴. Сын Ивана Меньшого Тухачевского, Сергей Иванович, упомянут стряпчим «в полковых начальных людях» в 1692 г.¹⁰⁵ В 1674 г. сын последнего, «Григорий Тухачевский», служил «полуголовой» в стрелецком полку Янова¹⁰⁶.

Ко второй половине XVIII в. остались лишь две генеалогические ветви потомков Петра Петровича Тухачевского, внука

И.Г. Большого Тухачевского. Одна из них – от Федора Петровича Тухачевского – закрепилась в Костромском и Кинешемском уездах. Другая – от его брата Семена Петровича Тухачевского – оставалась в Орловской губернии. Его сын, Сергей Семенович Тухачевский, в 1770 г. имел в Брянском уезде будущей Орловской губернии свыше 40 четвертей – остатки некогда достаточно больших земельных владений, принадлежавших его предкам. В 1781 г. он был поручиком и закончил свой жизненный путь 21 ноября 1800 г. в Москве в чине надворного советника. Интересно, что на его могильной плите написано «барон и кавалер», хотя его претензии на баронский титул нигде и ничем не подтверждаются. Он был женат на Елизавете Петровне Лебедевой¹⁰⁷.

«...У матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, несколькими годами ее старее, – вспоминал Ф.Ф. Вигель, – которой имение, равно как и собственное, умел промотать в уездном городе Ломов¹⁰⁸ муж ее, Сергей Семенович. Во вдовстве и в бедности, спокойно и весело доживала она век у меньшей сестры, матери моей»¹⁰⁹. У них было три сына – Сергей, Николай и Василий.

Второй из них, прапрадед маршала, Николай Сергеевич Тухачевский (1769–1832), по воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, «был человек с высокими притязаниями и низкими пороками, следствиями дурного воспитания и страсти к забавам и роскоши»¹¹⁰. Он начал службу в л-гв. Преображенском полку каптенармусом с 1 января 1785 г. Произведенный 1 января 1788 г. в сержанты, он через год, в 1789 г., перешел в л-гв. Конный полк вахмейстером и 1 января 1790 г. был произведен в корнеты¹¹¹. 1 января 1796 г. он дослужился до ротмистра¹¹². Как близкий к светлейшему князю Г.А. Потемкину (находясь даже в каком-то с ним родстве), со смертью императрицы Екатерины II и восшествием на престол императора Павла I 26 декабря 1796 г. он был уволен в отставку к статским делам и переименован в надворные советники с причислением к Герольдии¹¹³. В 1791 г. он женился на дочери орловского помещика Надежде Александровне Киреевской¹¹⁴. В 1798 г. он был избран Костромским уездным предводителем дворянства и оставался в этой должности до 1800 г. Уволенный от службы 14 июня 1804 г. по состоянию здоровья с награждением чина Коллежского советника (полковника)¹¹⁵, Н.С. Тухачевский вновь поступил на службу и в 1808 г. дослужился до чина статского советника, а в следующем году вышел в отставку¹¹⁶.

«Счастье долго улыбалось ему, – продолжал свои воспоминания Вигель, – он избран был опекуном грудного ребенка, родного племянника и однофамильца жены своей, Надежды Александровны, урожденной Киреевской, у которого было более пяти тысяч душ крестьян. Когда мальчик осиротел, у него не было ни одной копейки долгу; когда же вступил в совершеннолетие, оказалось его до трехсот тысяч рублей; из сего можно видеть, как роскошно и расточительно жил его попечитель.

Сдавши опеку, он не знал, чем жить, и для того пошел опять в службу, хотя был уже не в молодых летах. Ему и тут посчастливилось. Он получил место губернатора сперва архангелогородского, потом тульского¹¹⁷, полез было в гору, но с нее упал под суд»¹¹⁸. Лишившийся своих высоких покровителей, императора Александра I и М.А. Аракчеева, с началом царствования императора Николая I, в 1826 г. Н.С. Тухачевский лишился должности тульского губернатора и оказался под следствием. Полностью разорившийся, «неоправданный и непощенный», как вспоминал Вигель, «он умер с горя»¹¹⁹.

Его дети воспитывались матерью за счет малолетнего Н.В. Киреевского. Ее слабостью была «страсть ко всему французскому». Обожаемую дочь свою Лизоньку, «которая была мила как ангел», «с помощью мамзелей» она воспитала сентиментальной и романтической и в шестнадцать лет выдала замуж за богатого купца Кусова¹²⁰. Впрочем, в этом замужестве, как отмечает Ф.Ф. Вигель, у Н.С. Тухачевского был, несомненно, свой большой интерес, и не только к купеческому богатству: частым гостем у Кусовых бывал любивший это семейство за простоту нравов Александр I¹²¹. Поэтому Н.С. Тухачевский в 1806 г. и обратился через графа Н.С. Лопухина к благоволившему ему императору со следующим любопытным прошением.

«Всемиловитейший Государь! – писал Н.С. Тухачевский в своем прошении. – Потомок графа Константина Индриса с двумя сыновьями, осмеливаюсь испрашивать у Вашего Императорского Величества Высочайшего благоволения. Повелите, Всемиловитейший государь, по примеру прочих, лишившихся от насильствия времени издревле принадлежавших предкам их достоинств, возвратить мне и детям моим, сыновьям Александру и Николаю и дочери Елиза-

вете, графское достоинство и фамилию»¹²². Итак, Н.С. Тухачевский просил императора официально признать за ним и его потомством графский титул. Очевидно, данное прошение было обусловлено как раз изложением в 7-й части «Общего Гербовника» происхождения Тухачевских – упоминания родоначальника без титула «граф».

«Прошение» Н.С. Тухачевского объяснялось тем, что по указу императора Павла I в число российских князей и графов не вносились русские дворяне, имевшие достоинство «князей и графов Священной Римской империи, русскими государями в сем достоинстве не утвержденные»¹²³. К ним Н.С. Тухачевский причислял и своего родоначальника Индриса, «графа», выезжего из «цесарской земли», т. е. из Священной Римской империи. Император просьбу его не удовлетворил. Однако в самом семействе, кажется, закрепилось убеждение в праве Тухачевских на графский титул в силу происхождения от графа Фландрии Бодуэна (Балдуина) IX.

Кроме упомянутой выше дочери Елизаветы, у Н.С. Тухачевского было два сына. Младший (выше о нем уже говорилось достаточно подробно), Николай Николаевич Тухачевский (1796–1870), начал службу в л-гв. Кавалергардском, а с 1817 г. перевелся в л-гв. Семеновский полк¹²⁴. Дослужившись до чина генерал-майора, в 1847 г. он вышел в отставку и поселился в Орловской губернии, купив по сходной цене поместье у своего двоюродного брата и однополчанина – упоминавшегося выше Н.В. Киреевского (1796–1876) – в с. Работьково Дмитровского уезда¹²⁵. Едва узнаваемая ныне липовая аллея, одичавший сад, пруд и несколько надгробий с фамилией «Тухачевский», по одному из которых, расколов его, пролегла дорожная колея, – все, что осталось и напоминает сейчас о бывшей помещичьей усадьбе. Н.В. Киреевский был близким приятелем Л.Н. Толстого, частым его спутником на охоте. Впрочем, и дед маршала, и его отец также были близко знакомы с великим русским писателем, порой навещая его в Ясной Поляне, иногда с детьми.

Старший из братьев (прадед маршала), Александр Николаевич Тухачевский (1791–1831), как уже говорилось выше, начал службу в л-гв. Семеновском полку в 1810 г. в чине прапорщика, участвовал в Отечественной войне 1812 г., в Бородинском сражении, в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Он погиб в 1831 г. в чине полковника и в должности командира Олонекского пехотного полка во время «польского похода» фельдмаршала Паскевича.

Дед маршала, уже упомянутый выше Николай Александрович Тухачевский (1825–1876), благодаря тому, что его отец был участником Отечественной войны 1812 г., получил образование в Пажеском корпусе. Однако «за неспособностью к военной службе (по состоянию здоровья) выпущен с чином губернского секретаря»¹²⁶. Он начал службу в канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора 5 декабря 1845 г. и вскоре был прикомандирован «для занятий к чиновнику особых поручений при МВД действительному статскому советнику Липранди, 1846 г., февраля 17»¹²⁷, т. е. к своему родному дяде по матери. Впрочем, в 1847 г. он был уволен с государственной службы. В последующие годы он занимал выборные должности мирового судьи, уездного предводителя дворянства.

Отец маршала Николай Николаевич Тухачевский (1866–1914) никогда не был на государственной службе, но в Смоленской губернии, в Дорогобужском уезде был известен как активный земский деятель. Матерью Тухачевского, его трех братьев и пяти сестер, была простая крестьянка Мавра Петровна Милохова, что могло порождать «комплекс незаконнорожденности», обостряя стремление компенсировать его демонстративным аристократизмом и претензиями на принадлежность к аристократическому, «графскому» семейству. Будущий маршал официально был причислен к роду отца своего и, следовательно, к дворянству лишь в 8-летнем возрасте, 31 июля 1901 г.¹²⁸

Приведенные выше, весьма подробные сведения о происхождении М.Н. Тухачевского, его родословной, предках свидетельствуют о его принадлежности к старинному дворянскому

роду, достоверные сведения о представителях которого восходят к XV–XVI вв. И в этом отношении он не мог чувствовать какую-либо «родовую ущербность» в среде большинства офицеров л-гв. Семеновского полка. Однако он стремился позиционировать себя как личность более знатную по происхождению, как аристократа, ведущего свой род от графов Фландрии. Этим отчасти было обусловлено и его поведение в полковой офицерской среде, и его отношение к своим товарищам, офицерам-однополчанам.

«Наш, семеновец!....»

В связи с надвигавшейся войной и планируемой мобилизацией портупей-юнкер (фельдфебель) 2-го курса Александровского военного училища Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) был выпущен подпоручиком в л-гв. Семеновский полк раньше традиционного срока (обычно это происходило в августе месяце) – 12 июля 1914 г. Как окончивший военное училище 1-м по баллам с занесением фамилии на мраморную доску училища, как лучший по выпуску, он имел право первым из выпускников выбирать полковые вакансии. Он выбрал «свой», л-гв. Семеновский полк. «Свой» потому, что, согласно семейной традиции и семейным преданиям, в полку служили его предки, начиная с формирования этого, наряду с л-гв. Преображенским, старейшего полка русской армии и императорской гвардии.

Согласно воспоминаниям Л. Норд о Тухачевском, в одном из частных и доверительных разговоров сам Тухачевский якобы поведал ей семейное предание, служившее одной из мотивировок его жизненного и военного выбора.

«...Слушай! – говорил он ей. – Военным делом я стал интересоваться очень рано. Этим я заразился от двоюродного деда, который был вояка до мозга костей. Он был генералом. Я всегда смотрел на него с восторгом и с уважением слушал его рассказы о сражениях. Дед это заметил, и раз, посадив меня на колени к себе, мне было тогда лет семь-восемь (следовательно, примерно в 1899–1900 гг. – С.М.), он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?» – «Генералом», – не задумываясь, ответил я. «Ишь ты!» – рассмеялся он. – «Да ты у нас прямо Бонапарт – сразу в генералы метишь». И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?» С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом. В Бонапарты я, конечно, не метил, а генералом, сознаюсь, мне очень хотелось стать. И это было не только из-за честолюбия. Дед перед смертью захотел видеть меня. Я тогда уже был кадетом (1911–1912 гг.). Когда я приехал и вошел к нему, дед указал, чтобы я сел на край кровати. «Ты мне пообещай три вещи, Мишук, – сказал он. – Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить, и третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском полку служил с начала его основания при Петре наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике, его портрет-миниатюра. Я его дарю тебе, ты на него и лицом похож...»¹²⁹.

Следует заметить, что у Тухачевского действительно был двоюродный дед, его тезка, генерал-майор Михаил Александрович Тухачевский (единственный родной брат деда будущего маршала Николая Александровича Тухачевского). Поэтому в данной части рассказ Л. Норд кажется вполне достоверным. Сложнее с первым из Тухачевских, служивших в л-гв. Семеновском полку, – с Михаилом Артамоновичем Тухачевским.

По прямой линии у Тухачевского вообще не было предков с именами Михаил и Артамон. У Григория Игнатьевича Тухачевского, прямого предка маршала, одного из сыновей звали Михаилом. Однако этот Михаил Григорьевич Тухачевский погиб в сражении под Конотопом в 1659 г.¹³⁰ Еще один Михаил – Михаил Александрович Тухачевский, один из внуков Ивана (Большого) Григорьевича Тухачевского, – жил в XVIII в., поэтому никак не мог быть в числе первых «семеновцев» в конце XVII в. (1683–1695 гг.). Не исключено, разумеется, что кто-то из многочисленных Тухачевских (но не прямых предков маршала и с другим именем) был в первом составе л-гв. Семеновского полка. В одном из архивных документов упоминается поручик Михаил Тухачевский, умерший до 1710 г., у которого было два сына: поручик Игнатий Михайлович и Федор Михайлович Тухачевские¹³¹. Однако в родословной Тухачевских они почему-то не отмечены. Возможно, указанный поручик Михаил Тухачевский и был тем первым из

Тухачевских, служивших в л-гв. Семеновском полку, который фигурирует в рассказе Л. Норд. Во всяком случае, это семейное предание пользовалось полным доверием у Тухачевского.

Однако вполне достоверно то, что родной прапрадед М.Н. Тухачевского, будущий тульский губернатор Николай Сергеевич Тухачевский (1769–1832) служил в «петровской гвардии», начав свою службу с 1 сентября 1785 г., в 16 лет, каптенармусом в л-гв. Преображенском полку и оставаясь в составе полка, уже сержантом, до 1 января 1789 г., когда был переведен вахмистром в л-гв. Конный полк¹³². С 1810 по 1820 гг. в л-гв. Семеновском полку в чине (подпрапорщика – подпоручика) служил родной прадед маршала Александр Николаевич Тухачевский (1791–1831). В составе полка он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.¹³³ В л-гв. Семеновский полк из л-гв. Кавалергардского в 1817 г. перевелся и Николай Николаевич Тухачевский (1796–1870), дослужившийся до генерал-майора, младший брат А.Н. Тухачевского¹³⁴.

Таким образом, л-гв. Семеновский полк был для подпоручика М.Н. Тухачевского, оказавшегося в его составе с 12 июля 1914 г., «своим» полком, «семейным». Это была его «полковая семья».

В 1913 году во время Романовских торжеств (празднования 300-летия Дома Романовых) портупей-юнкер М. Тухачевский нес караульную службу в Кремлевском дворце. «Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского»¹³⁵. По существу, это была прямая императорская рекомендация Тухачевского в гвардию. Видимо, свою роль сыграло и то обстоятельство, что двоюродный дядя будущего советского маршала, Александр Михайлович Тухачевский был камергером Двора Его Императорского Величества. Возможно, была и рекомендация другого родственника, бывшего командира л-г. Преображенского полка генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Гадона. Впрочем, подпоручик Тухачевский имел полное право быть принятым в полк и без указанных рекомендаций. Во-первых, как представитель старого «семеновского семейства». Во-вторых, у него был необходимый по выпуску из училища «гвардейский балл», – более того, его фамилия как первого по баллам выпускника училища была по традиции занесена на мраморную доску.

Выпущенный в л-гв. Семеновский полк 12 июля 1914 г. подпоручиком, М.Н. Тухачевский был зачислен в 7-ю роту 2-го батальона «младшим офицером»¹³⁶. В составе 7-й роты было 4 офицера (включая Тухачевского): командир 7-й роты – капитан Петр Николаевич Брок (1875–1931)¹³⁷; младший офицер 7-й роты – поручик А.В. Иванов-Дивов 2-й (1887–1970)¹³⁸, командир 1-го взвода и 1-й полуроты; младший офицер 7-й роты – прапорщик Н.В. фон-Фольборт 2-й (1888–1938), командир 2-го взвода (из запаса)¹³⁹; младший офицер 7-й роты – подпоручик М.Н. Тухачевский (1893–1937), командир 3-го взвода и 2-й полуроты.

1914 год. Бой под Кжешувом¹⁴⁰

Сводный официальный список офицерского состава л-гв. Семеновского полка на начало Первой мировой войны, т. е. на 1 августа 1914 г., в полковых документах отсутствует. «Список по старшинству» офицерского состава л-гв. Семеновского полка 1914 г., сохранившийся в архиве, датируется 1 января 1914 г. Бывший офицер л-гв. Семеновского полка полковник Генштаба А.А. Зайцов, позже профессор и известный военный историк¹⁴¹, в специальной работе, посвященной боевым действиям полка в 1914 г., указывает персональный состав офицеров л-гв. Семеновского полка на 20 августа 1914 г. – на начало боевых действий полка¹⁴².

Согласно официальным сведениям, 31 июля на фронт отправлялись гвардейские артиллерийские части, 1 августа – л-гв. Преображенский полк, а 2 августа – л-гв. Семеновский полк «Полк выступил в поход 2-го августа 1914 года», – подтверждает Ю.В. Макаров¹⁴³, тогда поручик-семеновец, только что возвратившийся в полк из отставки. Правда, в другом месте своих воспоминаний он уточняет, что «из Петербурга полк был увезен эшелонами, которые отошли 31-го июля, 1-го августа и 2-го августа»¹⁴⁴. Как свидетельствует Ю.В. Макаров, «полк выступил на войну, имея в строю по списку 63 офицера»¹⁴⁵.

2-й батальон л-гв. Семеновского полка должен был отправиться на фронт в 6 часов вечера 2 августа 1914 г. А.В. Иванов-Дивов 2-й отмечает, что командир батальона полковник М.С. Вешняков¹⁴⁶ был уже «налицо» и руководил погрузкой батальона в эшелон, с которым и отправился к месту назначения¹⁴⁷.

По свидетельству его сестер, «окончание» им «училища совпало с началом мировой войны. Брат сразу же уехал в свой полк»¹⁴⁸. Согласно официальным документам, как отмечалось выше, Тухачевский, как и все юнкера выпускных классов, были выпущены в полки раньше обычного времени: не в августе, а в июле, точнее – 12 июля 1914 г. Следовательно, в полку подпоручик Тухачевский оказался уже в июле 1914 г. Правда, Л. Никулин утверждает (без ссылки на источник информации), что Тухачевский сначала отправился в Петроград, в запасной батальон Семеновского полка, а из Петрограда – на фронт. «Он догнал свой полк в походе»¹⁴⁹. Однако автор предваряет это свое утверждение (как бы мотивируя действия Тухачевского, приведшие его к опозданию в полк) тем, что мать подпоручика потеряла «в одном году (т. е. 1914-м) мужа и любимую дочь»¹⁵⁰. Все биографы вслед за Л. Никулиным повторяют, что подпоручик Тухачевский не успел к сроку, т. е. ко 2 августа 1914 г. и догонял свой полк уже на марше¹⁵¹. Однако известно, что сестра подпоручика умерла до объявления войны, а его отец – в октябре 1914 г. Известно также, что Тухачевский в связи с этим событием покидал полк в начале ноября 1914 г. на несколько дней¹⁵². Похоже на то, что утверждение Л. Никулина и других авторов (просто взявших эти сведения у него) о том, что Тухачевский догонял свой полк на марше, относятся к его возвращению в полк из кратковременного отпуска в ноябре 1914 г., а не к первоначальному отправлению полка на театр военных действий в начале августа 1914 г. Имеется вполне достоверное свидетельство офицера, находившегося вместе с подпоручиком Тухачевским в одном эшелоне. Этот свидетель – младший штаб-офицер 4-го батальона (в августе 1914 г.) л-гв. Семеновского полка капитан князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский¹⁵³.

«Первая моя встреча с Тухачевским, – вспоминал князь, – была в вагоне воинского эшелона, который вез нас на войну. Среди молодых офицеров, еще незнакомых мне, как вернувшемуся из отставки в полк, помню, я увидел совсем юного безусого офицера, совсем мальчишка (ему тогда было всего 19 лет)»¹⁵⁴. Сам Касаткин-Ростовский находился в составе полка, как тогда отмечалось в официальных полковых документах – «налицо», к 1 августа 1914 г.,

поскольку он был запечатлен на групповой фотографии офицеров-семеновцев перед отправкой на фронт вместе с командиром полка генерал-майором И.С. фон-Эттером¹⁵⁵. Генерал, как известно, со всем своим штабом отправился на фронт 2-м эшелоном 1 августа 1914 г. Следовательно, Касаткин-Ростовский к 1 августа уже был «в строю», но отправился на фронт с последним полковым эшелоном 2 августа, поскольку этим эшелоном отправлялся на фронт 2-й батальон полка, в составе которого находился подпоручик Тухачевский. Все сказанное выше позволяет утверждать, что младший офицер 7-й роты подпоручик Тухачевский также был «налицо» в составе офицеров своего батальона и входил в число 63-х офицеров полка, отправившихся на фронт 1–2 августа 1914 г.

К вечеру 6 августа 1914 г. 2-й батальон л-гв. Семеновского полка выгрузился на станции Новогеоргиевск, перешел походным порядком в деревню Помекувек, «лежащую в районе фортов, в 2 верстах от крепости», где и расположился лагерем¹⁵⁶.

Вечером 7 августа 1914 г. полк выступил походным порядком на Варшаву. К вечеру 8 августа весь полк сосредоточился неподалеку от Варшавы в деревне Бабице и простоял там до 15 августа 1914 г.¹⁵⁷

15 августа 1914 г. полк прошел через Варшаву, погрузился в эшелон и на рассвете 19 августа прибыл к Люблину. Оттуда «около 1 часа дня (19 августа) батальон (2-й) двинулся походным порядком на деревню Жабья Воля. Около 5 часов дня полк выступил на деревню Майдан-Козицкий»¹⁵⁸. 7-я рота полка была оставлена в деревне Жабья Воля для прикрытия обоза и, простояв там до 22 августа 1914 г., в указанный день двинулась следом за полком.

23 августа 1914 г. в деревне Текели 7-ю роту сменила 16я рота полка, под командованием капитана Поливанова¹⁵⁹. 7-я же рота двинулась на соединение с полком у Уршулина. Рота двигалась медленно. «Петр Николаевич»¹⁶⁰ делал это как будто нарочно, – вспоминал, прозрачно намекая на трусость командира роты, поручик А.В. Иванов-Дивов, – чтобы подойти к позиции вечером»¹⁶¹. В этом замечании слышится намек на то, что командир 7-й роты капитан Брок несколько трусил, не желал ввязываться в бой.

Около 3 часов 7-я рота прошла позицию 2-й батареи 1-й л-гв. Артиллерийской бригады, которую прикрывала 5-я рота полка, которой командовал капитан Тавильдаров. В этот же день начались вялотекущие боевые действия полка у Уршулина.

Однако 24 августа 1914 г. в бою у Уршулина был ранен в руку командир 7-й роты капитан П.Н. Брок. Он эвакуировался в тыл и передал командование ротой поручику Иванову-Дивову (как старшему в чине и командиру 1-го взвода и 1-й полуроты)¹⁶². Соответственно, 24 августа изменилось и должностное положение остальных офицеров роты: подпоручик Тухачевский стал командиром 1-го взвода и 1-й полуроты и заместителем командующего 7-й ротой. Кто стал командиром 3-го взвода, Иванов-Дивов не сообщает. Скорее всего, это был вольноопределяющийся младший унтер-офицер барон Шиллинг¹⁶³, вскоре произведенный в прапорщики.

Бои в районе Уршулина продолжались до 27 августа. В ходе этих боевых действий был ранен командир 5-й роты капитан Тавилдаров и смертельно ранен поручик Тигерштедт¹⁶⁴. К ночи 27 августа 7-я рота вместе со всем полком остановилась на ночлег в деревне Воля Голендзовская¹⁶⁵. На следующий день, 28 августа, л-гв. Семеновский полк выступил в направлении деревни Закржувек-Карпиювка, где попал под жестокий обстрел¹⁶⁶. 29 августа полк передислоцировался в деревню Войцехов, а на следующий день (30 августа) продолжил движение и 31 августа вступил в Теневские леса, а к вечеру того же дня вышел к деревне Гута Кржешовская¹⁶⁷. Утром 2 сентября полк подошел к Кржешову¹⁶⁸, где и произошел бой, в котором отличился подпоручик Тухачевский, получивший после этого боя известность во всей 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Некоторые биографы считали обстоятельства боя под Кржешовом и его последствия, назовем так, «первым сигналом», вызвавшим неприязнь к режиму и посеявшим сомнения в его справедливости в сознании подпоручика л-г. Семеновского полка Тухачевского. «...Под Кржешовом – первое дело, где выявилась безоглядная храбрость Тухачевского, – писал в своем очерке, ему посвященном, Р.Б. Гуль. – Кржешов приказано было взять. Фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, безрезультатен. Командир приказал второму батальону, в шестой роте которого был Тухачевский, идти в обход австрийскому флангу. Батальон обход сделал быстро, незаметно, глубоко и в решительный момент боя неожиданно появился во фланге австрийцев. Австрийцы смялись, кинулись в отступление, стараясь только взорвать мосты через Сан. Но один из деревянных, приготовленных к взрыву мостов стал «лодийским мостом»¹⁶⁹ Михаила Тухачевского. С 6-й ротой Тухачевский бросился на горящий мост; по горящему мосту пробежала пехота, преследуя смявшихся австрийцев, и пошла в атаку на том берегу. Были взяты пленные и трофеи. В бригаде, в дивизии, в корпусе оценили дело под Кржешовым. О юном подпоручике заговорили однополчане. Но первое дело не только не удовлетворило, а озлобило Тухачевского. Командир полка вызвал капитана Веселаго¹⁷⁰ и подпоручика Тухачевского, пожимая руки, сообщил, что представляет к наградам: командира роты к Георгиевскому кресту, младшего офицера к Владимиру 4 степени с мечами. Безусый, молчаливый, красивый подпоручик не понравился командиру. Тухачевский счел себя явно обойденным. Захват горящего моста приписывал только себе и этого не скрыл на отдыхе за обедом в офицерском собрании»¹⁷¹. Именно Гуль сделал из данного события многозначное умозаключение: «Очень может быть, что даже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Он стал первым недовольством Тухачевского старой армией, замершей в иерархии и бюрократизме, не оценивающей «гениальных способностей» будущего красного Бонапарта»¹⁷².

Совершенно очевидно, что одним из главных источников сведений об этом событии из биографии Тухачевского, полученных Р.Б. Гулем, был князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский. Пропитирую его собственное описание этого боя.

«Первый раз заговорили о Тухачевском, – вспоминал князь, – при взятии нами города Кржешова. Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные. За этот бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский – Владимира 4 степени с мечами, чем явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он. С этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им»¹⁷³.

Напомню, что князь Касаткин-Ростовский, однокашник капитана Веселаго по Пажескому корпусу, и достаточно подробно описал обстоятельства боя на Кжешувском мосту, потому что мог получить о нем информацию от самого командира 6-й роты. Можно полагать, что это было, собственно говоря, описание боя со слов капитана Веселаго. Судя по одному из фронтовых эпизодов, имевших место за день до боя под Кжешувом, капитан Веселаго с симпатией относился к молодому подпоручику Тухачевскому¹⁷⁴.

Попытку дать объективное изложение и оценку боя под Кржешувом 2 сентября 1914 г. сделал и другой однополчанин Тухачевского – полковник А.А. Зайцов, известный в эмиграции русский военный историк и ученый.

Зайцов так излагал события: «Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2-му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет-де-пон и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе. Командир 6-й роты капитан Веселаго, во главе своей роты, бросился на горящий мост и, перейдя по нему р. Сан, овладел переправой. Кржешов пал и Семеновцы перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2го батальона и удар 6-й роты дали нам Кржешовский тет-де-пон и сломили фронт сопротивления австрийцев по Сану»¹⁷⁵. Как результат этой частной победы, этого тактического успеха – «на следующий день, 3 сентября, 1-я австрийская армия оставила фронт р. Сана и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции)»¹⁷⁶.

Зайцов даже не упоминает подпоручика Тухачевского. Возможно, ему казалось неэтичным вспоминать об «изменнике». Во всяком случае, из его изложения события вытекает, что инициатива захватить мост возникла на месте, в конкретно сложившейся ситуации, на страх и риск командира 6-й роты.

В газете «Русское слово» пусть с неточностями, но изложено было «свежее» впечатление о событии и его главных действующих лицах. «Подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго, – сообщал корреспондент газеты, – взорвали мост в тылу у неприятеля, судьба героев неизвестна»¹⁷⁷. Следует обратить внимание на примечательный штрих в тексте заметки: первым из «героев» упомянут младший по чину офицер, подпоручик Тухачевский, хотя боевое событие изложено неверно. Во всяком случае, это значит, что корреспонденту газеты был передан (или в донесении излагался) подлинный, первоначальный «рельеф» события, не отредактированный сознанием мемуаристов и военных историков под влиянием идейно-политических установок, личных симпатий и антипатий. У Тухачевского, видимо, имелись определенные мотивы выражать недовольство в распределении наград «героям» события. Впрочем, описание события всеми тремя указанными авторами и первоисточниками грешат ошибками, порой весьма серьезными.

Первая, может быть, кажущаяся непринципиальной, заключалась в том, что Тухачевского называют младшим офицером 6-й роты, хотя, как отмечалось ранее, он был младшим офицером 7-й роты. 2 сентября 1914 г., когда происходили боевые действия под Кжешувом, командующим¹⁷⁸ 7-й ротой был поручик Иванов-Дивов 2-й, а его помощником, командиром 1-го взвода и 1-й полуроты, являлся подпоручик Тухачевский. Поэтому, вопреки утверждению Касаткина-Ростовского, Тухачевский и 2 сентября, и в последующие месяцы оставался офицером 7-й роты, а не 6-й. Это может показаться мелочью, однако в описании событий Кжешувского боя – весьма существенной, а именно: во взятии Кжешувского моста, вместе с 6-й ротой капитана Веселаго, принимал участие младший офицер 7-й роты подпоручик Тухачевский, т. е. – и 7-я рота или ее часть!

«Я не совсем ясно понял общую обстановку, – признавался Иванов-Дивов-2, вспоминая и детально описывая боевую ситуацию 2 сентября 1914 г. – Знал только, что перед нами река Сан, что правее нас высоты Кржешова атакуют преображенцы, а мы должны атаковать подступы к Сану левее Кржешова... Моя рота была направляющей...»¹⁷⁹. Таким образом, как свидетельствует поручик А.Н. Иванов-Дивов-2, приказа взять мост через р. Сан от вышестоящего (батальонного) начальства не поступало, однако «направляющей» была 7-я рота.

«Тухачевский пошел первым, – продолжал Иванов-Дивов свое описание хода боя. – Болото было вязкое, и люди проваливались по колено в грязь. Тухачевский очень успешно развернул взводы и, дав направление, повел их вперед перебежками повзводно...»¹⁸⁰. Из про-

цитированного фрагмента воспоминаний следует, что в авангарде наступавшей 7-й роты шел подпоручик Тухачевский – во главе «взводов» (а не одного взвода).

Далее Иванов-Дивов уточняет: «Подпоручику Тухачевскому я приказал с первым взводом выдвинуться перед ротой и выслать дозоры к Кржешову и к Сану. От Тухачевского и его движений я уже до самого конца боя никаких донесений не получал, и мне он оказался совершенно бесполезным»¹⁸¹. Последнее замечание Иванов-Дивов сделал явно в оправдание своих ошибочных действий по командованию ротой, которые помешали именно 7-й, а не 6-й роте капитана Веселаго захватить Кжешувский мост. Дело было в том, что, вместо того чтобы последовать за Тухачевским и 1-м взводом со всей ротой, Иванов-Дивов приказал солдатам открыть бессмысленный и совершенно неэффективный огонь по противнику, что признается и самим поручиком Ивановым-Дивовым: «В это время подошла 8-я (рота), и Мельницкий (ее командир)¹⁸², соблазнившись моим дурным примером, тоже рассыпал свою роту в цепь и открыл огонь. Все это длилось добрых 15–20 минут»¹⁸³. Эта бессмысленная стрельба прекратилась только благодаря вмешательству командира 6-й роты капитана Веселаго.

«За 8-й подошла 6-я рота Веселаго, – вспоминал в связи с этим Иванов-Дивов. – Феодосий Александрович указал мне на бесполезность нашего огня и сказал мне, что он продолжает движение на Кржешов. Я предупредил его о том, что мой взвод с Тухачевским впереди, и сказал, что и я прекращаю огонь и иду за ним»¹⁸⁴. Так, на поддержку 1-го взвода Тухачевского спешила не его, 7-я рота, а 6-я рота Веселаго. Далее, касаясь самого главного в этом деле, Иванов-Дивов свидетельствует несколько противоречиво.

«Тухачевского я не видел, где он пропал, я не знаю, – вновь в завуалированной форме Иванов-Дивов стремится бросить тень на поведение своего товарища. – Отделенный унтер-офицер первого взвода Карпусь как мог подробно доложил о действиях взвода. Вот что я от него узнал: оторвавшись от роты и *не встречая сопротивления*, взвод... подошел к домам Кржешова у самого моста. Площадь перед ним была заполнена отступающими австрийцами. Взвод рассыпался между домами и открыл огонь. Австрийцы бросились к мосту. Группа пехотинцев тащила два пулемета. Будучи обстреляны, они сдались, и взвод захватил оба пулемета»¹⁸⁵. Таким образом, Иванов-Дивов сам свидетельствует, что именно 1-й взвод под командованием Тухачевского захватил Кжешувский мост и 2 исправных пулемета, за что, согласно «георгиевскому статуту», командиру взвода, в данном случае подпоручику Тухачевскому, был положен орден Св. Георгия 4-й степени¹⁸⁶.

«В это время подошла 6-я рота капитана Веселаго, который сразу направил ее к мосту, уже свободному от австрийцев, – признает, таким образом, Иванов-Дивов, что Веселаго со своей 6-й ротой подошел к Кжешувскому мосту, когда он был уже занят и очищен от австрийцев 1-м взводом Тухачевского. – В это же время раздался взрыв. Мост был взорван в средней его части. Настил моста провалился вниз, но перекладины его сдержали, и он повис над водой. Феодосий Александрович бросился с людьми на мост. Рубя шашкой бикфордовы шнуры, тянувшиеся к привязанным пучкам соломы, срывая их руками, чтобы остановить пожар, он со всей ротой перебежал на ту сторону реки и открыл огонь по убегающим австрийцам...»¹⁸⁷. Несомненно, действия капитана Веселаго были отважными и находчивыми, за что ему, безусловно, полагалась высокая награда. Однако вспомним рассказ князя Касаткина-Ростовского о захвате Кжешувского моста, как он услышал его от капитана Веселаго.

«Тухачевский, – рассказывал князь, – сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что *не успели взорвать* приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку»¹⁸⁸. Таким образом, Веселаго

и князь Касаткин-Ростовский признавали, что мост был захвачен Тухачевским и его взводом и что австрийцы хотели, *но не взорвали мост*, успев лишь поджечь его, о чем далее рассказывал князь.

«По этому горящему мосту, – продолжал князь, – преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные».

Таким образом, сравнивая описание боя у Касаткина-Ростовского и Иванова-Дивова, следует отметить, что, во-первых, князь ошибочно «зачислил» Тухачевского в состав 6-й роты. Во-вторых, уже после захвата моста взводом Тухачевского и выходом его на другой берег, «вбежала на другой берег 6-я рота». И хотя Касаткин-Ростовский поясняет: «со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским», из предшествующего его повествования следует, что Веселаго оказался на мосту, после того как Тухачевский уже прошел по нему со своим взводом. Сознательно или неосознанно, но князь противоречит сам себе, затушевывая приоритет Тухачевского во взятии Кжешувского моста. В-третьих, Касаткин-Ростовский, а значит, Веселаго, не подтверждает свидетельство Иванова-Дивова о взрыве. Он говорит лишь о том, что мост горел и что капитан Веселаго и его солдаты «мост затушили, перерезали провода». Вряд ли можно заподозрить капитана Веселаго в обмане. А вот Иванов-Дивов свидетелем того, что происходило в тот момент на мосту, не был, поэтому мог быть вполне введен некоторыми «свидетелями» в определенные «преувеличения» (не хочется думать, что он преднамеренно слукавил).

Завершая свои воспоминания о бое на Кжешувском мосту, поручик Иванов-Дивов 2-й пишет: «С согласия полковника Вешнякова я написал рапорт о представлении Тухачевского к Георгиевскому оружию, но штаб полка ограничился представлением к Владимиру 4-й степени. Конечно, мне это казалось несправедливым: ведь два пулемета были взяты его взводом и перешел он мост вместе с Веселаго, который получил за это вполне им заслуженный Георгиевский крест»¹⁸⁹.

Как выше уже отмечалось, за захват двух пулеметов противника, согласно действовавшему в царской армии «георгиевскому статуту», Тухачевского полагалось наградить орденом Св. Георгия 4-й степени. Поэтому «согласие полковника Вешнякова» на представление Тухачевского к Георгиевскому оружию изначально было нарушением этого статута. Очень похоже на то, что сделано было такое представление преднамеренно, с уверенностью, что в вышестоящих инстанциях уровень награды будет обязательно снижен и Тухачевский никакого Георгиевского оружия не получит, а получит в лучшем случае орден Владимира 4-й степени с мечами. «Тухачевский... явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он»¹⁹⁰. По свидетельству капитана Ю.В. Макарова¹⁹¹, «от огорчения и злости будущий маршал расплакался»¹⁹². Однако «с этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им»¹⁹³.

Поэтому получилось так, что Иванов-Дивов по-своему «отомстил» своему товарищу и подчиненному, который весьма критично относился к нему как командующему ротой, равно как и за его ошибки и просчеты в руководстве ротой во время боя за Кжешувский мост.

Конечно, вряд ли можно считать, что с описанного выше события и допущенной несправедливости по отношению к Тухачевскому со стороны вышестоящего командования в его сознании зародились «революционные мысли», обусловившие в дальнейшем его переход к большевикам. Тогда его недовольство выразилось лишь в возмущении порядками, бытовавшими в гвардии. Вспоминая разговор в «халупе с глиняным полом», где на соломе устроились на ночлег офицеры 7-й роты вечером 10 сентября 1914 г., поручик А.В. Иванов-Дивов 2-й писал: «Легли мы все рядом: Тухачевский, я, Фольборт и барон Шиллинг (вольноопределяющийся младший унтер-офицер. – С.М.). не помню, с чего начался разговор, но вдруг Тухачев-

ский заявил: „Считаю совершенно абсурдным то, что в гвардии нет производства за отличие и что надо идти в хвосте за каждой бездарностью, которая старше тебя по выпуску“»¹⁹⁴.

Несомненно, это высказывание было почти незавуалированно направлено в адрес поручика Иванова-Дивова 2-го и звучало оскорбительно, хотя его фамилия и не была названа, а заявление Тухачевского вполне обоснованно: действия поручика Иванова-Дивова 2-го в качестве командующего 7-й ротой обнаружили его практически полную несостоятельность как командира. Но бурное возмущение поручика было естественно. «Меня это взорвало, – вспоминал он, – Фольборт, наверное, помнит наш разговор на соломе в полутемной освещенной свечкой халупе, у меня же он остался в памяти до сих пор»¹⁹⁵. Фольборт, конечно, не мог помнить этого разговора, поскольку был расстрелян в Ленинграде в 1938 г., как и Тухачевский годом раньше¹⁹⁶. По собственному признанию, на следующий день, 11 сентября, перед отъездом из полка поручик Иванов-Дивов 2-й доложил об этом заявлении Тухачевского, как и в целом о его поведении командиру батальона полковнику Вешнякову¹⁹⁷. Вряд ли такие действия командующего 7й ротой, с красноречивой негативностью характеризовавшие подпоручика Тухачевского, могли способствовать его военной карьере. Пожалуй, аналогичную оценку действиям Тухачевского его непосредственный начальник дал и начальнику 1-й Гвардейской пехотной дивизии генералу Олохову, с которым случайно столкнулся после боя за Кжешувский мост.

«Уже темнело, – вспоминал Иванов-Дивов этот эпизод. – Перейдя мост, я встретил группу конных офицеров, которые оказались штабом дивизии, с генералом Олоховым во главе. Генерал, увидя меня идущим со стороны Сана, подозвал и стал расспрашивать о подробностях захвата моста. Я доложил все, что видел и знал. Уже в Болгарии, будучи в эмиграции, капитан Гуцин рассказал мне, что на основании моего доклада в ту же ночь начальник дивизии послал донесение в штаб корпуса о действиях нашего полка в этом бою»¹⁹⁸. Во всяком случае, никаких революционных мыслей, даже намек на них, в связи с недостаточно высокой оценкой его подвига, Тухачевский не обнаружил.

«...Первый боевой успех, – характеризуя личность и поведение молодого подпоручика-однополчанина после Кжешувского боя 2 сентября 1914 г., вспоминал князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский, – конечно, вскружил ему голову, и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными: чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен, что совсем не было свойственно его возрасту, часто с апломбом рассуждая о военных операциях и предположениях; с товарищами был вежлив, но сух, что особенно бросалось в глаза в нашем полку, где все жили одной дружной семьей»¹⁹⁹.

Ночной бой под Ломжей, плен и возвращение в полк

Как складывались боевая деятельность, служебное положение и должностная карьера подпоручика Тухачевского после боя за Кжешувский мост, исходя из донесений поручика Иванова-Дивова 2-го сказать трудно. Он был назначен командующим 7-й ротой 11 сентября 1914 г. (после эвакуации поручика Иванова-Дивова в тыл), как старший в чине и кадровый офицер. Некоторое представление о боевой деятельности подпоручика Тухачевского после 11 сентября 1914 г. могут дать лишь фрагментарные воспоминания его сослуживцев.

«Вспоминается эпизод, относящийся к сентябрю – октябрю 1914 года, – рассказывал капитан барон А.А. Типольт²⁰⁰. – Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев... Не худо, да как это сделать?

Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбацкую лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку»²⁰¹. Как часто это с ним происходило, решение предпринять описанные выше действия Тухачевский принял и осуществил без санкции со стороны начальства. Поэтому понятно впечатление барона Типольта: «Я и сейчас вижу Мишу Тухачевского, вылезającego из лодки. Он неуверенно улыбается, еще не зная, что его ждет – то ли поощрение, то ли нагоняй начальства»²⁰². Попытаюсь уточнить датировку этого эпизода.

А.А. Зайцов пишет, что «31 октября полк, одним переходом (около 20 верст), перешел к р. Среняве и стал квартиро-биваком в селе Милочице-Сломнички, в 16-ти примерно верстах от города Кракова и в каких-нибудь 10 всего лишь верстах от передовых фортов Краковской крепости»²⁰³. Зайцов сообщает, что на этой позиции полк простоял 1 и 2 ноября. Затем он должен был начать движение в направлении Силезии, «двигаясь мимо крепости Кракова»²⁰⁴. Однако в силу изменения оперативной обстановки «в ночь на 4-е ноября полк повернул обратно и развернул 2-й и 3-й батальоны в районе Нов. Весь (штаб полка) – Пржебыславице, но уже фронтом не на запад, а на юг, против угрозы австрийцев со стороны Кракова»²⁰⁵. С утра 4 ноября начались активные боевые действия у посада Скала. Учитывая описание событий с 31 октября по 4 ноября 1914 г. А.А. Зайцовым и характер боевых событий в этот промежуток времени, можно предположить, что ситуация, благоприятствовавшая описанному выше эпизоду, скорее всего, должна была иметь место ориентировочно 1–2 ноября. Затем, 4 ноября, начался бой у посада Скала, который продолжался 5 и 6 ноября. Во время этого боя 5 ноября прапорщик барон Типольт был ранен²⁰⁶. Видимо, этим и объясняется временная лакуна в его воспоминаниях о Тухачевском.

Уже неоднократно цитировавшийся В.Н. Посторонкин в своих воспоминаниях утверждает, что «5 ноября 1914 года под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в город Москву. Здесь автор, тоже раненый, в последний раз встретился с Тухачевским, который особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады – его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й степени не осуществилась»²⁰⁷.

Сведения Посторонкина о ранении Тухачевского 5 ноября 1914 г. под посадом Скала весьма сомнительны. Дело в том, что полковник л-гв. Семеновского полка указывает полковые

потери и называет персонально офицеров, которые были убиты или ранены в этом бою: командующий 13-й роты поручик Коновалов 1-й, был ранен младший офицер пулеметной команды прапорщик барон Типольт²⁰⁸, несколько ранее, 4 ноября, был ранен младший офицер 2-й роты прапорщик Тимашев²⁰⁹, а 6 ноября был убит младший офицер 9-й роты подпоручик барон Витте²¹⁰. Эти офицеры указаны в официальных данных о потерях полка убитыми и ранеными офицерами. Как видим, подпоручика Тухачевского среди них нет. В «Списке по старшинству (в чинах)... к 1 января 1916 г...», составленному уже после того, как Тухачевский «19 февраля пропал без вести в бою под г. Ломжей» (так сказано в данном документе), сказано: «В кампании 1914—15 был, ранен и контужен не был»²¹¹. Таким образом, сведения Посторонкина о ранении Тухачевского 5 ноября у посада Скала недостоверны. Однако в отпуске в Москве в ноябре 1914 г. Тухачевский был. По воспоминаниям его сестер, «только осенью 1914 года он на день или два вырвался в отпуск»: «Приезд этот был обусловлен смертью отца. Мы не сообщали Мише о постигшем нашу семью горе, но он сам почувствовал неладное и при первой же возможности приехал в Москву»²¹². Очевидно, это произошло действительно после 5 ноября 1914 г. Тогда-то он и встретился с Посторонкиным, который почему-то полагал, что отпуск Тухачевского связан с ранением. Думается, что кратковременный отпуск в Москву подпоручик Тухачевский получил за отличия в боевых действиях, а также в связи с определенным затишьем на фронте л-гв. Семеновского полка.

«Собравшись в Миноге, полк получил заслуженный отдых за славные 4—5 ноября, — пишет А.А. Зайцов. — ...7-го ноября был переведен в Имбрамовице в резерв за левый фланг нашей дивизии...9-го полк был двинут (все время оставаясь в дивизионном резерве) еще севернее в Лабзову, а 10-го ноября вновь вернулся в с. Имбрамовице...Совершенно для нас неожиданно утром 11-го ноября мы были, однако, двинуты на фронт для поддержки и смены понесших громадные потери лейб-гренадер в с. Задрожье»²¹³. Однако сильные морозы парализовали боевую активность с обеих сторон. Меняя позиции, время от времени оказываясь в обстановке вялотекущей перестрелки с противником, в ночь с 1-го на 2-е декабря 1914 г. полк «получил приказ об отходе»²¹⁴. После четырех форсированных переходов, отступая, 3 декабря полк стал на ночлег в с. Сухове, где был получен приказ о переходе гвардии в резерв Верховного Главнокомандующего²¹⁵. 8 декабря в эшелоне полк прибыл на станцию Пилява. «Наконец-то, — как пишет Зайцов, — явилась возможность полку по-настоящему отдохнуть и разобраться после 4-месячных боев и походов»²¹⁶. Затем, после императорского смотра гвардии в Граволине 20 декабря, 22 декабря был направлен в Варшаву, а оттуда 26 декабря отправился к поселку Гошин, куда прибыл 28 декабря²¹⁷. Здесь, в Гошине, полк простоял до 20-х чисел января 1915 г., до начала боев под Ломжей, один из которых стал роковым для подпоручика Тухачевского. Таким образом, фактически полк не принимал участия в сколько-нибудь заметных боевых действиях, несмотря на частые перемещения и перемены позиций.

В такой обстановке командование полка сочло возможным предоставить подпоручику Тухачевскому кратковременный отпуск, но, скорее всего, не в ноябре, а в декабре 1914 г., когда гвардия была переведена в резерв Главного командования, т. е. после 3 декабря. Очевидно, он вернулся в полк (с учетом двухдневного пребывания дома, в Москве) примерно дней через 10, т. е. ориентировочно к 15 декабря. Таким образом, никаких боев, в которых мог участвовать подпоручик Тухачевский до конца января 1915 г. на фронте л-гв. Семеновского полка не было.

В «Списке по старшинству... 1 января 1916 г...» перечисляются награды подпоручика Тухачевского, которые он получил, совершенно очевидно, за участие в боевых действиях с августа по ноябрь 1914 г. «Награжден, — указывается в этом документе, — в 1914 — Владимир 4-й степени с бантом, Анны 3й степени, Станислава 3-й степени с мечом и бантом. 1915 — Анны 2-й степени с мечами, Анны 1-й степени с надписью „За храбрость“»²¹⁸.

Сам Тухачевский не оставил никаких сведений об обстоятельствах, при которых он попал в плен в ходе ночного боя под Ломжей 19 февраля 1915 г. Князь Касаткин-Ростовский, который не был свидетелем этих событий, описывает их так: «Тухачевский, как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди, в минуту окружения, по-видимому, спал в бурке, в окопе. Когда началась стрельба, видели, как он выхватил пашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев. Потом стало известно, что он был взят в плен, откуда три раза пытался бежать, но неудачно»²¹⁹.

По воспоминаниям бывшего офицера из гвардейских стрелков Г.А. Бенуа (он, в свою очередь, вероятно, воспользовался рассказом своего брата – офицера-преображенца А.Л. Бенуа), «в 1915 году, в феврале под городком Ломжей, после упорных и тяжелых боев его полк (Семеновский), имея далеко впереди себя 6-ю роту, окопался и занял оборону. Ночью, перед рассветом, поднялся густой туман. Пользуясь им, как дымовой завесой, батальон немцев обрушился без выстрела, с гранатами на передовую роту. Силы были неравны. Ротный командир был убит, многие солдаты героически погибли, и только человек сорок успели, отстреливаясь, отойти к своим. Человек тридцать попали в плен, вместе с ними получивший удар прикладом по голове подпоручик М. Тухачевский, которого подобрали в бессознательном состоянии»²²⁰. Однако сведения о том, что подпоручик Тухачевский попал в плен, стали известны гораздо позднее. Согласно «Именному списку штаб и обер офицерам Л.Гв. Семеновского полка 22 февраля 1915 г. ...» значилось: подпоручик «Тухачевский Михаил Николаевич – убит (пропал без вести) 19 февраля 1915»²²¹. Свидетелей его пленения не было. Напомню, что, кроме капитана Веселаго, в составе 6-й роты на 20 августа 1914 г. были младший офицер подпоручик О.А. Тигерстедт, смертельно раненый 24 августа 1914 г., подпоручик Г.К. фон-Эссен 2-й²²² и прапорщик барон А.А. Типольт.

Барон Типольт, вспоминая об этом бое, в котором погиб его командир капитан Ф.А. Веселаго, объяснял: «...Четвертый взвод 6-й роты, которым я тогда командовал, в том бою не участвовал – мы находились в резерве. Но утром 20 февраля пришел и наш черед. На сей раз счастье изменило мне: получил тяжелое осколочное ранение в голову»²²³. Ранение прапорщика Типольта подтверждается сведениями из «Именного списка...» от 22 февраля 1915 г., где говорится о его эвакуации в тыл по ранению²²⁴.

Вспоминая об этом драматичном, можно сказать, роковом событии в жизни будущего маршала, прапорщик барон Типольт, писал: «Зима 1915 года застала семеновцев под Ломжей. Здесь, как, впрочем, и на других направлениях, немцы располагали большим превосходством в артиллерии. При поддержке крупных калибров в ночь на 19 февраля 1915 года они перешли в атаку. 7-я рота почти полностью была уничтожена, а остатки ее вместе с М.Н. Тухачевским попали в плен»²²⁵.

Следует обратить внимание на то, что барон Типольт единственный из мемуаристов, достаточно близких приятелей подпоручика Тухачевского по полку, сам являвшийся офицером 6-й роты, свидетельствует, что Тухачевский и 19 февраля 1915 г. оставался офицером 7-й, а не 6-й роты, как указывает князь Касаткин-Ростовский. Следует заметить также некоторые расхождения в сведениях А.А. Зайцова, указавшего Типольта в должности младшего офицера пулеметной команды, и самого Типольта, который утверждает, что он в феврале 1915 г. еще оставался младшим офицером 6-й роты, командовавшим 4-м взводом. Видимо, Зайцов ошибается. Скорее всего, Типольт из 6-й роты был переведен в пулеметную команду полка уже после возвращения в полк после излечения тяжелого ранения (осколком в голову). Кроме того, Типольт четко помнит, что Тухачевский не был офицером его, 6-й роты, но и в феврале 1915 г. оставался офицером 7-й роты.

Из сообщения Типольта о ночном бое 19 февраля 1915 г. следует также, что вся 7-я рота вместе с Тухачевским находилась в окопах, поскольку почти вся она была уничтожена против-

ником, а ее остатки вместе с Тухачевским попали в плен. А 6-я рота, опять же по свидетельству Типольта, также находившаяся вместе с 7-й и во главе со своим командиром капитаном Веселаго, в окопах была не вся: один ее взвод (прапорщика Типольта) оставался в резерве. Из свидетельства прапорщика барона Типольта можно вывести предположение, что 7-й ротой командовал подпоручик Тухачевский. Поэтому, скорее всего, именно он вступил в командование ротой с 11 сентября 1914 г. после отбытия в тыл по болезни поручика Иванова-Дивова 2-го.

Первоисточником сведений о том, как Тухачевский попал в плен (полученных и князем Ф. Касаткиным-Ростовским, и Г. Бенуа), мог быть лишь один офицер той же 6-й роты, которому удалось прорваться к своим: подпоручик Г.К. Эссен-2, если только он принимал участие в бою, а не находился с частью 6-й роты в резерве. Во всяком случае, судя по цитированному выше полковому «списку», он такого свидетельства не оставил. К тому же 25 августа 1915 г. подпоручик фон-Эссен 2-й сам пропал без вести²²⁶.

В своем рассказе князь Касаткин-Ростовский прямо ссылается на очевидцев поведения Тухачевского в этом бою. Однако он не знает (как и подпоручик Эссен-2), как будущий маршал попал в плен. Он не знает, что Тухачевского ударили прикладом по голове и в бессознательном состоянии взяли в плен. В полку вплоть до 1917 года точно не знали о его судьбе. Официально в полковых документах, как уже отмечалось выше, он считался пропавшим без вести. Это следует из текста полкового приказа № 339 от 27 ноября 1917 г.: «...Во изменение параграфа 11 приказа по полку от 28 февраля 1915 года за № 34, подпоручика Тухачевского 1-го²²⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.